РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Июнь, 1978 год, № 6

На первой странице обложки: Московский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы — это в определенном смысле постоянно действующий фестиваль молодежи. Не только потому, что учатся здесь студенты разных стран (на снимке вы видите студентов из Сальвадора, Иордании, Панамы, Эквадора, Советского Союза), но и потому, что лозунги фестиваля — практика их каждодневной жизни.

Фото Г. МАЛАХОВА

ОДИН ИЗ ПРОГРАММНЫХ ВОПРОСОВ XI ВСЕМИРНОГО ФЕСТИВАЛЯ:
— Молодежь капиталистических стран против эксплуатации и безработицы.

ВЫВОДЫ ИЗ БЕЗРАБОТИЦЫ:
— подборка материалов из Италии, ФРГ, Англии

МОСКВА. Представительство Союза молодых коммунистов Кубы устроило пресс-конференцию, где собравшиеся журналисты узнали о предфестивальных мероприятиях, в которых примут участие кубинские студенты, обучающиеся в Советском Союзе, а также студенты из других социалистических стран. В 30 городах восьми союзных республик пройдут воскресники, встречи на заводах и в колхозах, концерты самодеятельных коллективов, спортивные состязания, демонстрация новых кубинских фильмов. Все заработанные средства пойдут в фонд XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване. Кубинские студенты, как сообщили на пресс-конференции, решили передать в фонд фестиваля 120 тысяч рублей, 60 тысяч они уже перечислили на счет фонда, для этого 2 тысячи человек работали на комсомольских стройках, в том числе 60 студентов — на БАМе.

ОТТАВА. Предполагается, что канадская делегация на XI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Гаване будет гораздо представительней, чем на предыдущих фестивалях. В ее состав войдут делегаты от всех провинций страны. С начала этого года в работе национального подготовительного комитета участвует более 40 молодежных организаций Канады.

ГАВАНА. Пятьдесят болгарских комсомольцев прибыли в составе бригады имени Георгия Димитрова на Кубу для участия в строительстве Центрального Дворца пионеров. Эта ударная стройка кубинской молодежи посвящена фестивалю. Молодые строители братских социалистических стран плечом к плечу с кубинскими друзьями возводят дворец, где будут работать более ста кружков, в них смогут заниматься 8 тысяч пионеров из организации имени Хосе Марти.

ВЕНА. Молодежь Австрии активно готовится принять участие в XI Всемирном фестивале молодежи и студентов. Коммунистическая молодежь Австрии, Католическая рабочая молодежь Австрии и другие молодежные и студенческие организации создали координационный комитет и специальные рабочие комиссии, занимающиеся подготовкой к фестивалю в общенациональном масштабе.

ЛУАНДА. Молодежные организации Кубы и Анголы подписали договор о сотрудничестве. В документе, принятом в Луанде, говорится, что Союз молодых коммунистов Кубы и Молодежь Народного движения за освобождение Анголы строят свои отношения на основе пролетарского интернационализма, братской взаимопомощи. В апреле Гавана торжественно проводила 732 молодых учителя — члена интернационального педагогического отряда имени Че Гевары, выразивших желание помочь народу Анголы в области просвещения.

ДЖОРДЖТАУН. Как заявил государственный министр Роберт Корбин, правительство поддерживает деятельность национального подготовительного комитета, считая, что участие в фестивале обогатит гайанскую молодежь неоценимым опытом, который будет способствовать процессу социальных преобразований в стране.

ВЬЕНТЬЯН. Более 60 тысяч членов организации Народно-революционная молодежь Лаоса участвуют в мероприятиях, посвященных достойной встрече XI Всемирного фестиваля. Одновременно с проведением подготовительных семинаров, встреч, конференций национальный подготовительный комитет считает необходимым в преддверии фестиваля в Гаване активизировать участие молодежи в выполнении насущных задач: полной ликвидации неграмотности, преодолении экономической отсталости, социалистическом строительстве.

КАРАКАС. Коммунистическая молодежь Венесуэлы активно готовится к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. О работе организации рассказал в своем интервью кубинской газете «Гранма» представитель Венесуэлы в Международном подготовительном комитете Эдмундо Эрибаррен. Во всех округах страны созданы подготовительные комитеты, организуются концерты в фонд фестиваля, в университетском городке построен спортивный зал на 32 тысячи мест. В заключение интервью Эдмундо Эрибаррен с удовлетворением отметил значение того факта, что именно на Кубе состоится XI фестиваль — это новое подтверждение успехов народа острова Свободы.

ХАНОЙ. Федерация молодежи Социалистической Республики Вьетнам, объединяющая в своих рядах все молодежные организации страны, обратилась ко всем молодым вьетнамцам с призывом встретить Всемирный фестиваль молодежи и студентов ударным трудом, отличной учебой, работой на благо социалистической родины.

ВАРШАВА. В составе делегации Польской Народной Республики на XI Всемирном фестивале будет около ста молодых артистов. За право поехать в Гавану борются ансамбль песни и танца Краковского университета, студенческий хор политехнического института города Щецина и многие другие коллективы. Среди кандидатов победители последних песенных фестивалей, конкурса студенческой песни в Кракове.

ПРАГА. Центральный комитет Социалистического союза молодежи Чехословакии объявил соревнование первичных организаций, посвященное 30-й годовщине Победоносного февраля и XI Всемирному фестивалю. По итогам соревнования (учитывается общественная и трудовая активность его участников) лучшим коллективам будет присужден «Цветок фестиваля». Многие из соревнующихся коллективов уже внесли средства на финансовый счет фестивального фонда, цель которого — материальная поддержка делегаций молодежи на фестиваль из стран с реакционными режимами. Идет соревнование и за право представить молодежь республики на фестивале. Чехословацкая делегация — более 500 человек — будет включать в себя представителей всех районов Чехии и Словакии, всех социальных групп молодежи.

БОНН. В XI Всемирном фестивале, как сообщает печать, примут участие более 300 западногерманских юношей и девушек, которые будут представлять трудящуюся молодежь, прогрессивные молодежные и студенческие организации ФРГ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

НЬЮ-ЙОРК. Баснословная плата за квартиру в крупных городах США делает недоступным приличное жилье для миллионов американских трудящихся. По данным Вашингтонского статистического бюро, 25 миллионов американцев живут ниже официального уровня бедности. Особенно это сказывается на детях. Из 16 миллионов детей, матери которых ежедневно работают, 14,3 миллиона вынуждены целыми днями болтаться без присмотра на улицах и городских пустырях, детских садов мало, и они не по карману многим родителям. Детские центры, которые создаются в рабочих кварталах силами самих родителей, часто не могут себе позволить снять помещение из-за его непомерной дороговизны.

На снимке (слева): дети вместе со своей воспитательницей требуют: «Снизьте плату за жилье!»

САНТЬЯГО. Диктатура Пиночета воюет не только со взрослыми — в Чили «пропали без вести» 2,5 тысячи патриотов, — но и с детьми. Огромное количество ребят лишены крова, возможности ходить в школу, вынуждены голодать, часами простаивать в очереди за благотворительными подачками. В стране полмиллиона бездомных детей, многие из них остались сиротами. Социалистические страны, верные интернациональному долгу, делают все возможное для облегчения участи малолетних жертв политики хунты.

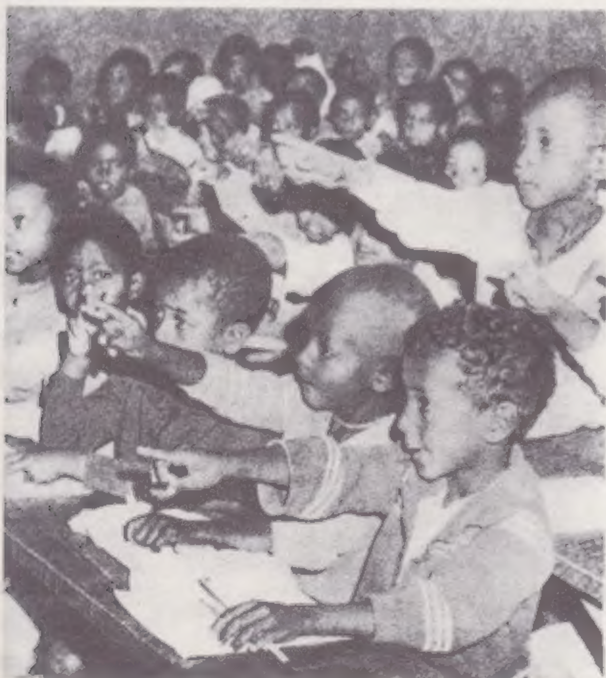
На снимке (справа): маленькая чилийка Таня Понсе сейчас живет в ГДР, ходит в детский сад. Она лишилась родины, когда ей было четыре года.

ФРАНКФУРТ-НА-ОДЕРЕ. Сто десять юных шахматистов от шести до четырнадцати лет приняли участие в окружном детском чемпионате. Вице-президент шахматной федерации ГДР Вернер Бартель выразил надежду, что для многих из них этот чемпионат станет началом большого пути, даст старт к участию в состязаниях сильнейших. В любом случае шахматы, как утверждают ученые, воспитывают дисциплину, упорство, целеустремленность и самокритичность, а такие качества полезны каждому.

На снимке (внизу справа): заветная мечта десятилетнего Артура Якобе — стать гроссмейстером, а пока он победитель чемпионата во Франкфурте-на-Одере.

АДДИС-АБЕБА. За четыре года после свержения монархии народ революционной Эфиопии достиг больших успехов в борьбе с наследием феодализма: нуждой, голодом, болезнями, неграмотностью. Огромную заботу правительство проявляет о детях, считая первоочередной задачей введение всеобщего образования. Только за последние несколько лет в городах и деревнях страны открыто более пяти тысяч начальных школ, на их строительство постоянно выделяются средства из бюджета страны.

На снимке (внизу слева): днем за партами в деревенской школе сидят ребята, вечером сюда придут их родители.



смотрите!

Все ближе XI фестиваль!

Его зовут еще всемирным парламентом юности — потому что нет у нее собрания более представительного и влиятельного.

Его зовут еще всемирным смотром активности, боеготовности юности — потому что на фестивалях молодежь подводит итоги своей борьбы и разрабатывает планы на будущее.

Его зовут еще форумом солидарности юных — потому что именно сплоченность и взаимная поддержка помогают, как показывает опыт, успешно достигать поставленных целей.

Его зовут еще праздником юных — потому что несчастна молодежь без веселья, импровизации и задора.

XI Всемирный соберется в Гаване, но начинался он в разных странах, городах и деревнях. Тогда он носил еще одно название — национальных фестивалей, но было в них почти все то, что будет в гаванском, одиннадцатом: страстность и серьезность, ответственность и убежденность, веселье и задор.

На снимках:

Молодые французы в борьбе за право на место в жизни, против безработицы (фото слева).

Мюнхенский стадион. Западногерманская молодежь на своем фестивале главным вопросом сделала вопрос единства действий (фото вверху справа).

Концерт на улице в фонд фестиваля. Выступают пуэрто-риканские самодеятельные артисты (фото внизу).

Одна из хозяек фестиваля, героиня «Сафры-78».

SANRIO
Festivals la

ФЕСТИВАЛЬ. ДЕНЬ СЕДЬМОЙ: «Борьба молодежи и студентов капиталистических стран против эксплуатации, кризиса и всевластия монополий, за расширение и защиту прав и демократических свобод, за глубокие экономические и политические преобразования в обществе» (утверждено на IV заседании Международного подготовительного комитета фестиваля).

О безработице в странах Запада, ее поразительных масштабах и губительном влиянии на молодежь в последнее время писалось много. И это справедливо: не учитывая ее роли в сегодняшнем капиталистическом обществе, не понять и умонастроений его молодого поколения. Для него безработица — это не только затягивание поясов и изматывающие душу поиски работы. Неопределенное, смутное существование в семнадцать, отчаяние, злость или апатия в двадцать, несостоявшаяся жизнь в двадцать пять — это тоже безработица. Упорная борьба, обретение чувства локтя товарища и становление характера — это тоже безработица. Это следствия из нее. Это выводы из нее.

ВЫВОДЫ ИЗ БЕЗРАБОТИЦЫ

В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВЫ ЮНОШИ И ДЕВУШКИ ЗАПАДА ПРОЯВЛЯЮТ ВСЕ БОЛЬШИЙ ИНТЕРЕС К ИДЕЯМ НАУЧНОГО КОММУНИЗМА, К ПРАКТИКЕ РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА.

(Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XVIII съезду комсомола)

П. РЕШЕТОВ,
кандидат исторических наук

„ИСКРЫ ГНЕВА" И ЛОГИКА БОРЬБЫ

Доктор философии, ассистент кафедры политологии Фрейбургского (ФРГ) университета Б. Гуггенбергер заметил в одной из своих последних работ: «...Вне стен наших университетов, да и внутри них стало значительно тише. В прошлое отошли бесплодные волнения, революционная горячка, избыток чувств, но вместе с ними и легкость, оптимизм, гениальная беззаботность, характеризовавшие с самого начала это коллективное выступление против ненавистного мира отцов...»

Что ж, пожалуй, и верно: потише стало в городах Западной Европы и США, нет той «экзотики» и экстравагантности, которые и в самом деле были характерны для молодежных выступлений второй половины шестидесятых годов. Доктор Гуггенбергер объясняет этот факт так: движение «новых левых» в противоположность прежним революционным движениям «с самого начала было продуктом не недостатка, а изобилия... Кризис общества изобилия является поэтому и кризисом движения».

Не совсем это точно — насчет недостатка и изобилия (тем более если говорить об этих понятиях в широком смысле), поскольку движение «новых левых» было в том числе и результатом недостатка доверия молодого поколения к институтам буржуазного государства, реакцией на преступную войну во Вьетнаме, стремлением к демократизации таких социальных сторон жизни молодежи, как образование, условия труда и т. д. Впрочем, в данном случае нас больше интересует вторая часть вывода, тем более что его часто высказывают на Западе: «кризис общества изобилия» привел к «кризису (молодежного) движения».

Бесспорен в этом выводе посыл о кризисе общества капитализма. Как бесспорно и то, что этот кризис особенно больно ударил по подрастающему поколению. Именно молодежи суждено было в 1977 году составить большую часть 20-миллионной армии безработных в странах развитого капитализма. За воротами предприятий в первую очередь оказались те, кто менее всего был защищен от произвола предпринимателей — молодежь, которая приблизительно лишь на 20—25 процентов состоит в профсоюзах.

Доля молодежи в числе безработных постоянно растет также за счет выпускников средних, средних специальных и высших школ, которые, как правило, оказываются к концу учебы не подготовленными к жизни ни в профессиональном, ни в социальном отношении. В Италии, например, в 1976 году, только по официальным данным, свыше 360 тысяч молодых безработных имели на руках диплом об образова-

нии. На самом деле, как считают специалисты, их количество превышало 1 миллион человек. В Англии в том же году работу безуспешно искали свыше 200 тысяч окончивших среднюю школу и 126 тысяч имеющих диплом о высшем образовании.

Данные показывают, что и в перспективе проблема занятости будет оставаться в капиталистических странах одной из самых острых. «Рост экономики, — писала в конце 1976 года «Нью-Йорк таймс», — недостаточен вплоть до 1980 года, чтобы обеспечить работой всю молодежь, которая поступает на рынок труда». В ФРГ федеральное министерство экономики предсказывает, что, если к 1980 году удастся стабилизировать рост экономики хотя бы на 2 процента, тогда количество безработных сократится до 600—700 тысяч. 1980 год уже не за горами, а экономика ФРГ топчется на месте, количество безработных продолжает расти. Если в 1970 году доля молодежи в общем количестве безработных в ФРГ составляла 19 процентов, то в 1976 году она превышала одну треть.

17—25 лет — это годы наиболее интенсивного приспособления к жизни. Материальная нужда, пришедшаяся на эти годы, а это неизменный спутник безработицы, бесцельно проведенное время объективно становятся тормозом на пути физического и нравственного развития личности, что особенно скажется в будущем. Наконец, для многих молодых людей это первое серьезное испытание в жизни, которое дает довольно остро почувствовать им свою ущемленность в обществе.

Несладкой оказывается жизнь сегодня и тех, кто все-таки сумел пристроиться к делу. В поисках выхода из экономических трудностей предприниматели усиливают эксплуатацию трудящихся, выискивают все новые формы выкачивания прибылей. С этой целью они широко прибегают к уже испытанному на ранних стадиях развития капитализма приему, когда молодежь «гуртом» нанимают на предприятия в качестве учеников, превращая их, как писал К. Маркс сто лет назад, в простые машины для производства прибавочной стоимости. В ФРГ, например, в 1973 году ученики составляли больше половины работающей по найму молодежи. Из 3,5 миллиона работниц 24 процента вообще не имеют специальности либо находятся на положении учениц, у которых практически нет перспектив повысить квалификацию. Платят ученикам, конечно же, меньше, а работать заставляют наравне со взрослыми. Исследования, проведенные во Франции, показали, что каждый третий 16—24-летний трудится на производстве до 50 часов в неделю. Рабочий день подростков, занятых в сфере обслуживания, как правило, длится 12—16 часов.

Бесспорно, проблемы, возникающие в процессе общественного развития, тем более в кризисные периоды, касаются всех возрастных категорий населения. И тем не менее молодежь в целом оказывается в особом положении, что — само собой понятно — связано с разницей в возрасте, с разницей в подходе к тем или иным явлениям действительности и их восприятием. Молодежи свойственно стремиться к большему, для нее характерны повышенные ожидания от жизни. Многие исследования показывают, например, что для большинства молодых людей деньги, материальное благополучие не являются достаточно побудительным мотивом для занятий «любым физическим трудом». 66 процентов молодых американцев, согласно данным Д. Янкеловича, стремятся к работе, которая давала бы возможность «творческого самовыражения, личного роста». Что уж тут говорить о безработице! Неудовлетворенность значительной части молодежи своим положением, страх вообще остаться не у дел ведут к глубоким изменениям в ее сознании. Этим «побочным» — психологическим и идеологическим — следствиям безработицы и посвящена подборка материалов этого номера «Ровесника». Я же, в свою очередь, хотел бы остановиться на более общем вопросе, на том, какое действие оказал экономический кризис на активность молодежного движения и его авангарда — организованного молодежного движения.

Наряду с уже упоминавшимися рассуждениями по поводу спада активности молодежи, роста в ее среде «неоскептических» настроений весьма популярны на Западе рассуждения, подменяющие классовую борьбу «теориями конфликтов», которые обосновываются желательностью и даже необходимостью для буржуазно-демократического общества сосуществования различных позиций и «пониманий». Анализ молодежного движения в странах Запада приводит, однако, к другому выводу. Хотя по сравнению с бурным протестом в конце 60-х годов, когда молодежь противопоставила всевластию капитала, как пишет болгарский социолог Георги Василев, «искры юношеского гнева» и «единственное оружие — чувства», нынешняя борьба может показаться более «мирной», она приобрела такие новые принципиальные качества, как массовость, осознанность, постоянство.

Вот выдержки из хроники молодежных выступлений последнего времени, взятые, кстати говоря, из номеров «Ровесника». Они дают представление и о разнообразии форм борьбы молодежи, и о ее направленности.

...Лордстаун (США): забастовка молодых рабочих автомобильного завода «Дженерал моторс». 10 тысяч участников, чей средний возраст — 24 года. По существу, первая в истории американского рабочего движения энергичная акция, направленная не на защиту материальных интересов, а против существующих потогонных условий труда.

...Рим: состоялась национальная ассамблея лиг молодых безработных, где обсуждались вопросы о мерах борьбы с безработицей среди молодежи.

...Лондон: у дверей дома министра по делам образования целую неделю не прекращалось «круглосуточное дежурство» студентов педагогических вузов в знак протеста против растущей безработицы среди учителей.

...Стокгольм: студенты столичного университета в письме правительству потребовали отменить запрет на предоставление работы в Швеции студентам-иностранцам во время летних каникул, подчеркнув, что этот запрет противоречит положениям Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

...Страсбург: состоялась международная молодежная манифестация солидарности с борьбой западногерманской молодежи против «запрета на профессии» — закона, дискриминирующего людей по их политическим убеждениям.

...Афины: студенты провели 24-часовую забастовку в поддержку рабочих, требующих отменить закон, запрещающий проведение политических забастовок.

...Оффенбург: как и в других городах ФРГ, местные молодые активисты проводят массовую акцию «Красная кукушка». Ее эмблему можно увидеть на воротах тех предприятий, где объявлено об увольнениях, где ущемляются права молодых безработных.

...5 апреля этого года миллионы юношей и девушек восемнадцати стран Западной Европы — от Норвегии до Испании, от Франции до Греции — приняли участие в проводившемся впервые по призыву профсоюзов дне совместных действий против безработицы, за обеспечение права на труд — в стачках, собраниях, демонстрациях, составлении петиций своим правительствам.

Молодежное движение не стоит на месте, в его современном виде можно различить новые черты. Новым является прежде всего рост активности трудящейся молодежи, ее все более заметное участие в классовой борьбе пролетариата. «...Молодые рабочие, большое число которых впервые приходят в промышленность, — отмечалось на XIX съезде Компартии США, — становят-

ся ударными бригадами рабочего класса. Они воодушевляют своим примером массовые движения». Число молодых забастовщиков в США в 1972—1974 годах ежегодно превышало 2 миллиона человек. В странах «Общего рынка» в первой половине 70-х годов уровень участия молодежи в этой традиционной форме классовой борьбы трудящихся превысил уровень 60-х годов более чем в три раза.

Семидесятые годы знаменуются также ростом активности студенческой и учащейся (лицеистской) молодежи. Студенты пытаются осмыслить прошлый этап борьбы. Многие из них читают в эти дни Маркса, Энгельса, Ленина, бурно обсуждают встающие перед ними социальные проблемы. Требования их все больше переплетаются с интересами пролетариата, всех трудящихся, с общеполитической борьбой.

Изменения в сознании трудящейся молодежи нашли отражение и в результатах опроса общественного мнения, проведенного рядом буржуазных организаций. Некоторые из них, например Институт общественного мнения и социальных исследований в ФРГ (Emnid-Institut), вынуждены были начиная с 1968 года вставить в анкетный перечень вопрос о социализме и коммунизме. Результаты исследования, проведенного «Фондом Конрада Аденауэра» среди рабочих 15—23-летнего возраста, показали, что среди них не просто растет недовольство капиталистическим обществом, а ставятся под сомнение основные ценности государственно-монополистической системы, чаще возникают вопросы о социальной справедливости, роли трудящегося человека в обществе, о будущем капиталистического общества и возможной ему альтернативе. Как свидетельствуют данные одного из опросов, 28 процентов молодых рабочих критически относятся к капиталистической системе (в 1969 году таких было менее 4 процентов). Что касается непосредственного отношения к предпринимателям, то для 90 процентов опрошенных — это консерваторы, которые не в состоянии быть политически прогрессивными, демократическими и справедливыми деятелями. Каждый третий из опрошенных молодых рабочих охарактеризовал предпринимателей как подлинную власть в государстве.

Критика буржуазного общества, недовольство им у некоторой части трудящейся молодежи связываются уже с определенными представлениями о социалистической перспективе. Число предпочитающих социализм капитализму (возраст 17—29 лет) выросло с 14 процентов в 1972 году до 20 процентов в 1973 году.

Конечно, все вышесказанное не означает, что все группы, выражающие критическое отношение к системе, готовы уже на этом этапе подойти к пониманию классовых целей борьбы.

Рассчитывать на успех любого демократического движения, учат основоположники марксизма-ленинизма, можно только в случае, если оно имеет отвечающую характеру эпохи цель, программу и руководителя в лице класса, наиболее полно выражающего на данном этапе потребности общественного развития. В условиях государственно-монополистического капитализма демократические завоевания в любой сфере общественной жизни возможны лишь на путях борьбы против господства монополистического капитала. «Ни одно коренное демократическое требование, — писал В. И. Ленин, — не осуществимо сколько-нибудь широко и прочно в передовых империалистских государствах иначе как через революционные битвы под знаменем социализма».

Исключительно важное теоретическое и практическое значение приобретает в этих условиях вопрос о путях сплочения разрозненных в идейном и организационном отношении протестующих групп молодежи.

Опыт показывает, что единство достигается с помощью совместных действий в решении общедемократических наиболее важных и наболевших задач. В первой половине 70-х годов по инициативе Всемирной федерации демократической молодежи (ВФДМ) и Международного союза студентов (МСС) были предприняты важные шаги по укреплению единства действий как на национальном, так и на международном уровне, различных по своим политическим ориентациям движений — на базе борьбы за мир и разоружение. В молодежных встречах, состоявшихся в Хельсинки, Мюнхене, Флоренции, Варшаве, принимали участие представители социал-демократических, христианских, либеральных и других организаций, ранее отказывавшихся от сотрудничества с молодыми коммунистами.

Мы находимся в преддверии XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который соберет тысячи юношей и девушек со всего света в столицу социалистической Кубы. Предыдущие десять форумов — это целая история, наполненная яркими страницами совместных выступлений широких слоев молодежи многих стран мира против угрозы развязывания империалистами термоядерной войны, против империалистических агрессий в разных частях земного шара, за установление прочной системы безопасности, за развитие дружественного сотрудничества прогрессивной молодежи всех континентов. Политическому воздействию фестивалей подвержены не только те тысячи юношей и девушек, которые в них непосредственно участвуют; в подготовке к всемирному форуму заняты миллионы молодых людей в разных странах.

Участие различных групп и слоев молодежи в общедемократических кампаниях постепенно подводит их к пониманию подлинной сути капитализма, а также способствует развитию в молодежном движении объединительных тенденций. В целом ряде стран проводятся единые кампании в защиту прав молодежи, за улучшение системы образования, за сокращение безработицы и т. д., в которых участвует работающая и учащаяся молодежь... Более того, единство действий в решении этих задач привело кое-где к созданию специфических широких ассоциаций — например, «Объединения молодежи в борьбе за работу» в США.

По мере развития мирового революционного процесса в молодежном движении усиливаются прогрессивные тенденции. Этому способствуют возрастающая притягательность идеалов социализма, дальнейшее углубление общего кризиса капитализма, кризис основных ценностей буржуазного общества, приходящих во все большее противоречие с интересами и потребностями подавляющего большинства молодежи, изменения, происшедшие в 70-х годах в международной обстановке в результате проводимой СССР и другими странами социалистического содружества последовательной политики мира. Молодежь в мире капитала громко заявляет о своих правах, активно участвуя в антимонополистической, демократической борьбе, отдавая, как писал Леонид Ильич Брежнев, обращаясь к участникам международной встречи «Октябрь и молодежь», «всю революционную страстность и энергию молодости делу полного торжества на земле идеалов мира, свободы и социального прогресса».

ИЗ ОТЧЕТА XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ:

МИР КАПИТАЛА, МИР НАЖИВЫ И НАСИЛИЯ ГЛУБОКО ВРАЖДЕБЕН МОЛОДЕЖИ.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ

Энцо РАВА,
итальянский публицист — для «Ровесника»

В конце шестидесятых в жизни итальянца появилась и стремительно расцвела особая, прежде не существовавшая пора: юность. Нет, разумеется, пора эта существовала в других землях, но в Италии для большинства молодых мальчишество моментально переходило в зрелость. Вчерашний семиклассник, расставшись с партой, вставал за верстак ремесленника, брал в руки мотыгу, определялся в магазин, лавчонку, а то и на завод. Причиной же появления новой поры стал экономический подъем, хотя и неравномерный, всплеск индустриализации, хотя и хаотичной. Заводы качали рабочую силу с пустеющих полей, новейшая технология требовала все более изощренного образования, многие тысячи крестьян с отсталого Юга перебирались на Север, поближе к «европейскому уровню», из

ПРИВИДЕНИЕ, КОТОРОЕ ВСЕГДА С ТОБОЙ

провинциальных городишек в метрополии бума... А дети их шли в школы: обязательные до 14 лет, оканчивали лицеи и даже поступали в университеты, ставшие доступными для относительно небогатых.

Едва появившись, пора юношества обзавелась собственными чудесными мифами: мифом безудержно растущего потребления и мифом все увеличивающегося свободного времени. Короче, юность становилась порой игр, удовольствий и любви.

Но уже в середине шестидесятых появились первые трещины, в начале семидесятых они поползли по всему роскошному зданию процветания, пока наконец в семьдесят пятом толчки экономического землетрясения не развалили его на части. Каркас его, хоть и был рассчитан и возведен, но возведен в спешке, как бог на душу положит, а рассчитан и запланирован только в той степени, в какой способен планировать капитализм. Школа оказалась неспособной выполнить свою миссию не то что по части достойного образования, но и попросту физически принять в свои тесные классы всех учеников. Не лучше обстояло и с университетом, превратившимся в своего рода временную стоянку для безработных: кто покидал его с дипломом, в одном мог быть уверен — работы он не сыщет.

Похоже (статистика здесь весьма уклончива), сейчас в Италии полтора миллиона безработных, из них полмиллиона — взрослые, вытолкнутые из производственной жизни, но все же рассчитывающие на какую-то помощь, пособие на время ожидания (сколь долго продлится время?) новой работы. Миллион же — это люди, которым от восемнадцати до двадцати восьми, не нашедшие и первой своей работы, хотя в кармане у них дипломы инженера-электронщика, врача, строителя. А за их спинами толпится еще один миллион подростков, которые пока, конечно же, заняты учебой, но уже сегодня знают, что и их ждет та же, а если дела не поправятся, то и более худшая судьба.

Так что же творится в душе молодого человека, оставшегося один на один с перспективой безработицы, перспективой быть «исключенным» из жизни и мира?

Конечно, каждый свою жизнь проживает сам и по-своему, и одинаковые проблемы окрашены у каждого в свой оттенок, но все же справедливым будет и анализ «средней» ситуации, примеры типичные, характерные. «Разброс» и тут немалый — от парня, понимающего социальные и политические причины его несчастий, поскольку он сам уже включился в политическую деятельность, примкнул к левым силам и сам борется за тот поворот в политике, который и ему откроет более светлое будущее, до парня, который прочно замкнулся в скорлупу безразличия, и если на что и надеется, мучая себя своим исключительным несчастьем, так на какое-то чудо, на то, что у «папы окажется какой-нибудь приятель, который разыщет для меня местечко, а пока надо жить, наслаждаться свободой»; от парня, доведшего себя до полной истерии, ненавидящего всех и вся, в том числе и школу, кажущуюся ему «бессмысленной», как, впрочем, и все остальные общественные институты, до парня, в наси-

лии и разрушении видящего единственный выход из положения, для него — все враги, в том числе и рабочие, — ведь они «интегрированы в Систему». Таких вот отчаявшихся, разумеется, меньшинство, поскольку, как правило, молодые люди быстро и, можно сказать, «естественно» находят разумный ответ на задачи, которые перед ними ставит жизнь; но ведь и отчаявшиеся не становятся от своей малочисленности менее «типичными»; согласен — они оказались наиболее уязвимыми жертвами, но в то же время и наиболее опасными жертвами. А потому начнем наш рассказ именно с них.

Двадцать четыре года, более или менее заслуженный диплом; первые и напрасные попытки найти работу. По профилю ее вообще нет: «Биолог? Юноша, вы шутите, где вы сейчас найдете лаборатории биологии? Если такие и существуют, то они забиты добровольцами, работающими бесплатно, с одной лишь надеждой когда-нибудь устроиться». Хорошо, юноша не требователен, он согласен и на менее квалифицированную работу — сколько его ровесников, филологов, педиатров и прочих — работают гарсонами в барах, кондукторами в трамваях или уборщиками... Он не пропускает ни единой двери, стучится во все, но все они закрыты: и потому, что уборщики и кондукторы уже наняты, и потому, что даже свободные места не для него: «А кто мне гарантирует, что ты в один прекрасный день не вытащишь свой диплом и не потребуешь более подходящего места?»

Проходят месяцы и годы вынужденного отдыха, растет душевное напряжение. Невыносимо гнетет унижение быть «на содержании» у родителей, особенно если те небогаты. Все вдруг становится проблемой, даже любовь: «Но послушай, дорогая, какое нас ждет будущее?» Стать неудачником, «не состояться» в двадцать шесть, двадцать восемь — в этом есть что-то унижающее мужское достоинство. Пусть ожидают нас любые трудности, ничто не убьет в нас желание побороть их — была бы лишь надежда, перспектива, хоть самая дальняя и туманная. Но тут каждый день читаешь об очередном закрывшемся заводе, а среди твоих знакомых все больше становится отчаявшихся, уставших, износившихся.

Странные вещи творятся порой: человек, казалось бы, совсем прижатый в угол, находит неожиданные лазейки, утешая себя доморощенной философией: «Пусть я не могу найти постоянную работу, но разве временная и случайная не дает мне нового чувства свободы?» «Работа на одном месте сковывает, унижает человека, я за свободное творчество — пусть мне приходится подрабатывать самодельными сувенирами и бусами на углу». И верно: при нужде всегда сыщется какая-нибудь доморощенная неоромантическая философия насчет близости к природе, бегства от высушивающего душу технического рационализма и обезличивающего прогресса... Что-то вроде цыганского анархизма, но и он сойдет, все же какая-то духовная подпорка. Состояние подвешенности, ненадежности в конце концов обретает некие собственные устоявшиеся черты: одни ребята — годы идут, а они все ребята — проводят дни напролет, околачиваясь одной и той же компанией у дверей привычного бара, другие в поисках «вдруг что подвернется» бродят по городу. И учтите, что, несмотря ни на какой кризис, этот город по-прежнему искушает их потребительскими соблазнами: мощный мотоцикл, красивое авто, элегантная одежда, просто музыка и новые диски — пожалуйста, для тех, кто может. «Но почему же это **не для меня?»**

Ведь даже мелочь — на кофе, сигареты, еще какую ерунду — и ту унизительно каждый день клянчить у отца: у того, в конце концов, могут быть и свои неприятности. Вот так зарождается в мозгу мыслишка: «А не украсть ли?» Да не просто мыслишка, а с идеологическим «обоснованием»: «Общество несправедливо, оно выталкивает меня за свои границы, и у меня есть право на месть». И вот группа таких «пролетариев-экспроприаторов» заходит в магазин пластинок или в универмаг, хватает все, что ни попадется под руку: «Общество обязано удовлетворять нужды своих членов!» А что, разве не законна нужда члена развитого капиталистического общества, общества (в прошлом) «благоденствия» в музыке и бутылке виски? Секс и наркотики становятся верным пристанищем. Но и секс с воровством, точнее с насилием, и наркотики с каждым разом все «тяжелеют» и не самоубийством ли попахивают многочисленные случаи «ошибок в дозе»?

А за спинами этих молодых мужчин толпятся, настороженно наблюдая со школьных парт, со студенческих скамей, их младшие братья. Строго говоря, они еще не безработные, и проблема поиска рабочего места еще не стоит перед ними; но стоит зато проблема вообще жизни, проблема будущего: «И это то, что меня ждет завтра?» С точки зрения психологической, безработица куда более губительна для самых молодых, чем для тех, кому уже за двадцать — эти уже способны разобраться что к чему; в шестнадцать же, восемнадцать и разбираться чаще всего не хотят: вокруг все ошибочно, все катастрофически неверно. «Бессмысленна» и сама школа — какой смысл учиться, чтобы потом оказаться вне общества, какой смысл в этом государственном учреждении, вышвыривающем тебя на мостовую?

И вот результаты таких настроений, результаты хоть и локальные, но от этого не менее тревожные: непризнание права преподавателя оценивать знания, требование автоматического, «гарантированного перевода» в следующий класс или курс, отказ вообще от принципов, на которых построено обучение, — «на черта нам оно»; отказ от семьи, «ни на что не годной», от участия в государственных и общественных организациях, от правил взаимной терпимости, принятых в обществе, и поскольку общество это враждебно нам, мы не только вправе отказаться от него, но вправе и разрушать его. Весьма нередко та или иная студенческая манифестация кончается тем, что группа таких вот отчаявшихся принимается громить витрины, переворачивать автомобили, бросать зажигательные бутылки — причем неважно, в кого или во что. Бурлящая энергия и агрессивность, слившись воедино, порождают то самое «немотивированное» насилие, которое автоматически увеличивает самоизоляцию этой части молодежи.

Возможно, нынешнее молодое поколение вообще самое несчастливое в истории страны, на его долю в определенном смысле выпало куда больше страданий и отчаяния, чем на долю тех, кто жил в нищете или в период войны; потому что перед теми маячила перспектива — мира или благополучия. У тех, у кого впереди лишь безделье безработного, нет и надежды.

Вирус распада и слепого панического отчаяния проник и в семью. Все начинается с чувства вины, особенно перед отцом: «Ведь это он меня содержит и, кто знает, сколько еще будет содержать»; но чувство это соединяется вскоре и с упреком — не он ли виноват в том, что нет уверенности в его собственной жизни и жизни его детей; упрекают за то, что он один из «старого поколения», а значит, ответствен за нынешнее поколение. Они не в состоянии, да и просто-напросто не хотят делать какие-либо «различия»: «Здесь все неверно, все прогнило!» Встречные упреки их оскорбляют, сочувствие возмущает, а попытка подчинить выглядит в их глазах подтверждением их теорий.

Полнится список «врагов»: «система», государство, все его институты, партии, особенно левые, их «предавшие»; рабочие, «защищающие лишь свои рабочие места»; товарищи по школе, не разделяющие их самоубийственных идей и методов и относящиеся к образованию как к своему долгу и праву...

А в самой глубине притаилось глухое отчаяние. Стерлись, обтрепались все привычные человеческие достоинства: солидарность, альтруизм, мужество, долг, любовь, знания... В этой пустыне все заменяет наркотик, торговцы, искушая, предлагают его поначалу даже бесплатно. К нему прибегают, чтобы «снять боль», и если в пятнадцать лет не находят иных способов унять боль, значит, страдания и в самом деле велики.

Объективно говоря, «взрослый мир» — если принять привычную схему разграничения поколений — лишь усугубляет их боль и несчастье: он обличает и наставляет их, не пытаясь понять причин их состояния; он, как модно стало говорить, «криминализирует» их. Типичное оскорбление звучит не без иронии: «Их не в школу надо, послать бы их всех вкалывать». Их склонность к «абсурдному» насилию рождает страх: достаточно появиться где-нибудь на улице группе, как закрываются двери и опускаются жалюзи.

Существует лишь одна сила в стране, борющаяся за спасение этого поколения, — коммунисты. Компартия ведет борьбу как на социально-политическом уровне, ратуя за проведение такой политики инвестиций, которая позволила бы оживить экономику страны и создать новые рабочие места, так и на уровне политико-психологическом, утверждая в сознании молодежи значимость таких ценностей, как целеустремленность, гражданственность, знание, солидарность, политическое самосознание; качества, необходимые для потерпевших кораблекрушение и потерявших ощущение рациональности собственных действий. (Не случайно, кстати, буржуазные партии, несущие ответ за полнейшее расстройство жизни страны, пальцем не хотят пошевелить, чтобы помочь отчаявшейся молодежи; в сущности, все эти беспорядки, это отчаяние, этот раз-

лад производные их же политики; крупный капитал извлекает доход и из экономического кризиса, а массовая безработица отвечает не только требованиям политики доходов и паразитирования, но и облегчает процесс сокращения зарплаты и свертывания производства для его дальнейшего технологического перевооружения. И это не говоря уж о политической стратегии буржуазных партий. Именно среди этой «сошедшей с рельсов» молодежи черпает рабочую силу организованная политическая преступность.)

Впрочем, есть в нашей стране и иные, уникальные, так сказать, эндемичные формы безработицы, и уж если говорить здесь о психологии, то скорее о «психологии толпы». Речь идет о тех зонах страны, где сотни тысяч людей **сплошь** безработные. Неаполь — типичный пример политики полной бесхозяйственности и эгоистической выгоды, проводимой уже тридцать лет власть имущими. Огромный город, лишенный каких-либо прочных производственных структур, город, задыхающийся от хаотического строительного бума предыдущих десяти лет, не опиравшегося на хоть мало-мальски продуманную систему коммунального хозяйства (включая канализацию) или систему медицинского обслуживания. Здесь безработица постоянна, как горизонт, здесь рождаются и умирают безработными, здесь безработица — судьба «плебеев» еще со времен Бурбонов и фашистов, не без удовольствия распространявшихся о неистребимом «неаполитанском духе» (песни и в самом деле не худший способ удержаться от слез), чуть ли не как образце счастливой жизни.

Жить, перебиваясь, жить с помощью хитрости и уловок — таков был удел миллионов; но вот и для них настал предел, и невероятная фантазия и оптимизм неаполитанцев сложили свое оружие на милость безжалостного победителя. Когда-то была возможность «взять подряд» на работу швейцаром или метельщиком улиц: за часть заработка неаполитанец делал работу другого, в то время как этот другой за часть заработка отрабатывал за третьего и т. д. Кризис прикрыл и эту скромную биржу труда бедняков. Что осталось «плебсу», так это отчаяние; прежние неунывавшие неаполитанцы превращаются в новых вандейцев и новых луддитов[1]. «Город» обернулся врагом, единственный выход борьбы с ним, «война бедняков», похоже, неизбежна, и старые властители, наконец-то отстраненные от власти, не жалеют масла для огня. Но разумный выход на самом деле есть и здесь: профсоюзы организуют лиги безработных, требуют расширения производства, обличают суть политики «вспомоществования» — на вид такой человеколюбивой. Они взялись за титанически сложную задачу — весь Юг находится в тех же условиях, что и Неаполь: отсталое сельское хозяйство невыгодно здесь даже для порядком поредевшего крестьянства, и фрукты, выращенные с таким трудом, частенько выбрасываются, поскольку они не конкурентоспособны на рынке. А чем больше сокращается производство, тем больше растет безработица.

Есть еще один странный аспект безработицы — сверхзанятость. Объясняется все просто: снижается реальный доход, и, как следствие, все большее количество трудящихся вынуждено подыскивать второй источник заработка. Это «черный» труд — плохо оплачиваемый, не обусловленный какими-либо трудовыми соглашениями. Добавьте сюда усталость, накопленную на основной работе, добавьте горькое сознание того, что ты крадешь работу у бедолаги-безработного, хотя при этом и знаешь, что безработному она никогда не досталась бы; ведь тогда она была бы основной работой, а значит, и оплачивалась бы полностью. Ни минуты на себя, весь день ты прикован к безостановочной машине, к тому же неуверенность не исчезает, наоборот, этот дополнительный заработок вскоре становится необходимым, и уже страшишься потерять не одну работу, а обе...

Есть и такой аспект безработицы — временная безработица с получением пособия или части оклада «до тех пор, пока мы не сможем снова принять тебя». Проходят пустые часы, тянутся ленивые в безделье дни, хотя получаемых денег, конечно же, не хватает: искуснейший мастер-станочник смотрит на свои руки, способные на столь многое, а теперь незанятые и нелепые. Существовать — это не для человека. Да и чем кончится это ожидание — может, и не возвращением, а увольнением, может, и хорошо, что пока тянется это выматывающее душу ожидание?..

Уникален еще один результат безработицы — популярная нынче среди молодежи работа без оплаты. Молодой обладатель медицинского диплома устраивается «добровольцем» в больницу — «так хоть у меня практика будет», филолог — в редакцию, биолог — в лабораторию. Они работают, но «не существуют», по закону их и быть не должно. Они надеются, что вдруг подвернется какой-нибудь случай. Фрустрация тут особого рода: надежда на случай (иллюзия, говорят иногда) заставляет работать больше других, об опоздании или отсутствии «на работе» и речи быть не может — настолько мучает перспектива показать себя недостаточно прилежным и ретивым; безработный как бы сам в себе воспроизводит хозяина, становится собственным надсмотрщиком. Случается, что надежды сбываются, случается, что они оборачиваются иллюзией: «Мне жаль, но вам здесь не стоит больше появляться». И негодовать-то вроде не на кого, сам из себя сделал идиота.

Безработица бродит призраком и в доме того, у кого работа есть, но нет гарантий ее сохранить. Ведь закрываются и большие заводы, а кризис захватывает отрасли, еще вчера процветавшие. Тут главной становится неотступная мысль о необходимости скопить на черный день, застраховать себя как-то на будущее, а сегодняшний день невозвратно уходит; бывает стыдно за собственную скупость и мелочность, тем более что жизнь на глазах дорожает, и не то что получки не хватает, но и сбережения на глазах тают, и нелепыми, жалкими становятся вчерашние твои жертвы. Это какое-то наваждение: туже, еще туже пояс, все уменьшается, сокращается, все связи с миром обрываются... Как странно, хочется поскорее стать старым, выйти на пенсию, там хоть что-то определенное (хотя инфляция и от пенсии мало что оставляет, придется подрабатывать, отбивая у кого-то хлеб)...

В такой ситуации классический безработный, то есть тот, кто потерял работу, чувствует себя в какой-то мере обойденным — не он уже единственная жертва кризиса. Чем хуже те, кто работы никогда не имел? кто боится никогда ее не найти? кто боится ее потерять завтра? Разумеется, каждый несчастен по-своему: жить без зарплаты, влезать в долги, экономить и убеждаться, что и это не помогает — цены-то растут, а вместе с ними плата за газ, свет, налоги; чем больше экономишь, тем больше убеждаешься в бессмысленности (а какой еще выход?). Поиски работы становятся работой — неизбежной и бессмысленной. Где искать? На переполненной бирже труда? Листая колонки газетных объявлений, судя по которым спрос существует лишь на менеджеров, торговых представителей и «суперспециалистов»? И чем дольше длится безработица, тем ощутимее напряженность в семье: с детей нечего и спрашивать, что́ они понимают? Жена понимает — понимает... понимает... понимает.., но ведь ей каждый день в магазин надо, «попробуй сам взять что-нибудь в кредит». (Психологи успокаивают по радио: не волнуйтесь, «случаи женской холодности или мужского равнодушия чаще всего результат стресса, вызванного неприятностями; стоит вам уладить ваши дела, и любовь вернется в дом».) В конце концов, семья, если она не взрывается под напором неприятностей, уходит в себя, замыкается за четырьмя стенами, живя в удушливой, напряженной атмосфере.

Вот что чрезвычайно важно: нехватка рабочих мест — явление чисто «практическое», общесоциальное проникает в самую глубину личной психологии, оно поражает даже тех, кто сам не страдает от безработицы, вызывая гнев, опустошение, страх, эгоизм, агрессивность, покорность; оно высасывает силы здоровых людей, лишает человека представления об истинных ценностях, сеет сомнения, опустошает...

Но именно масштабность этого явления взывает к единому контрдействию; никто уже не говорит: «Нет, **я** так больше **не могу!**» Теперь говорят: «Нет, так больше **не может** продолжаться!» Необходимость решительного поворота в экономике, в общей политике стала вопиюще очевидной: никто уже не может сказать, пусть у других об этом болит голова, это проблема для всех, для всего общества, для солидарных усилий многих. Миллионы личных несчастий, слагаясь вместе, рождают надежду...

Перевел с итальянского И. ГОРЕЛОВ

---

[1] *Вандея — департамент на западе Франции. В конце XVIII и начале XIX века была центром реакционных мятежей. Название «Вандея» стало употребляться для обозначения контрреволюционных очагов.*

Луддиты — участники стихийных рабочих восстаний в Англии в конце XVIII и начале XIX века, носивших характер бунта против машин. — Примеч. ред.

ИЗ ОТЧЕТА XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ:

МИР КАПИТАЛА, МИР НАЖИВЫ И НАСИЛИЯ ГЛУБОКО ВРАЖДЕБЕН МОЛОДЕЖИ.

ИДЕОЛОГИЯ БЕЗРАБОТИЦЫ

НЕ У ДЕЛ: ОТКУДА И КУДА?

Б. СЕНЬКИН

КАРТИНКИ ОДНОЙ ВЕЧЕРИНКИ. С МИНИ-ПРОЛОГОМ, ПОЯСНЕНИЯМИ И МИНИ-ЭПИЛОГОМ

МИНИ-ПРОЛОГ

„Расскажите, с чего начать, чтобы стать богатым предпринимателем. Отец меня высмеял, и мне не остается ничего другого, как обратиться за советом прямо к вам. Я действительно готов рискнуть пойти в предприниматели. Хуже, чем сейчас, мне все равно не будет».

Петер Венер, 17 лет («безработный, пособия по безработице не получаю»), — в письме Арнольду Вальтершайду, предпринимателю, г. Бургштайнфурт, ФРГ.

КАРТИНКА ПЕРВАЯ

Он пружинисто выбросил свое тренированное тело из «феррари», ласково похлопал по элегантно приплюснутому радиатору. Он любил эту машину. Они дополняли друг друга. Он — спортивный, уверенный в себе и в своих делах, в своем здоровье и нужности обществу 34-летний мужчина. Она — чудо о двенадцати цилиндрах, отменная красавица с изящными формами, символ благополучия и процветания.

У подъезда уже толпились фоторепортеры, кино- и телеоператоры и еще много разных людей. Его сразу узнали. Репортерская братия включила лампы, застрекотала камерами, засверкала блицами. Гельмут Беккер, преуспевающий коммерсант, владелец крупнейшей в Западной Европе фирмы по торговле подержанными автомобилями «Авто-Беккер», председатель нижнерейнского отделения Федерального союза молодых предпринимателей, своего рода «молодежного» филиала при всемогущем Федеральном союзе германской индустрии, одарив собравшихся улыбкой, обнажившей его замечательные крепкие зубы, вошел в распахнутую дверь.

Фирменное заведение пивоваренного завода «Шлёссер» было разукрашено как для карнавала. Публику еще не впускали, она ждала сигнала на улице. Гельмут Беккер прошел в глубину зала, к сцене, перед которой был сооружен длинный торжественный стол. Там уже собрались его коллеги по организации. Люди из телевидения проверяли аппаратуру.

Но вот вроде бы все на месте, и всё на месте, включая гвоздь программы — бесплатное угощение, славное дюссельдорфское пиво. Хозяева торжества расселись за столом президиума таким образом, что перед каждым оказалась табличка с названием его/ее фирмы. Гельмут Беккер поправил галстук и кивнул: открывайте дверь. Он немного волновался. Только что его отзывали в сторонку два субъекта, отрекомендовавшиеся агентами ведомства по охране конституции, проще говоря — политической полиции. Они посоветовали ему быть начеку. По их сведениям, кое-кто готовится подпортить вечер. Они не исключали и потасовку. Пусть герр Беккер в случае чего обратится к ним за помощью.

Гельмуту Беккеру очень хотелось, чтобы эта вечеринка удалась. Это была его идея — свести вместе молодых предпринимателей и молодых безработных. Они легче поймут друг друга, чем люди разных поколений. Гельмуту Беккеру есть что сказать этим горячим головам, которые винят «проклятых капиталистов» за собственные грехи. Сегодня они должны убедиться, что предприниматели отнюдь не злодеи, какими их рисуют левые. Мирно и весело, под пиво и музыку, можно будет поговорить с этими юными неудачниками, втолковать им, что нынешняя без-

работица — дело временное и незачем делать из нее трагедию.

Итак, он поправил галстук и кивнул: открывайте дверь...

КОЕ О ЧЕМ, ЧТО НЕ УМЕЩАЕТСЯ В КАРТИНКУ

В свое время один безработный бродяга и неудачник, в общем, «drop-out», то есть «выпавший» из общества человек, носился с неожиданной на первый взгляд формулой справедливого переустройства жизни: отобрать у богачей деньги, оставив им по пять миллионов. «По пять миллионов, и ни цента больше, — заявил он И. Ильфу и Е. Петрову и добавил: — Меньше нельзя». Отчего же «меньше нельзя»? Авторы «Одноэтажной Америки» поясняют: «...в глубине души он еще надеется, что сам когда-нибудь станет миллионером».

Много воды утекло с той поры, а побасенка про то, что любой мойщик посуды при соответствующем прилежании и бережливости может выбиться в миллионеры, живет и поныне, причем по обе стороны Атлантики. Ее, к примеру, любит рассказывать один солидный человек — текстильный фабрикант Арнольд Вальтершайд. Герр Вальтершайд открыл весьма радикальный способ сокращения молодежной безработицы. «Слишком мало молодых людей становятся предпринимателями!.. В этой профессии ощущается недобор. Нам не хватает 100 тысяч молодых предпринимателей». Герр Вальтершайд не жалеет ни расходов на публикацию этого объявления в газетах, ни времени на собственноручные ответы тем, кто откликается на его горячий призыв.

Ответ Петеру Венеру (см. мини-пролог) пришел незамедлительно. «Многоуважаемому герру Венеру» рекомендовалось «попробовать себя в мытье окон или все равно в каком другом деле. Будьте полезны людям, помогайте и по дому. Если не найдете подходящего работодателя, обретайте самостоятельность другим способом: беритесь за любую мелкую работу, которая будет приносить вам деньги... Вперед, только вперед!»

Воодушевив таким образом безработного Петера, лично себя герр Вальтершайд в «подходящие работодатели», однако, не предложил. И это неудивительно, так как сам он молодежь к себе на работу не берет ни под каким видом. По принципиальным соображениям. В одной журнальной статье, для Петера и ему подобных не предназначенной, он пояснил, что создание особых условий труда для молодых рабочих — это «социально-романтическое излишество» и вообще вещь вредная для спокойствия на предприятии. Соответственно: «Дабы обеспечить спокойствие на предприятии, я еще в 1973 году вывесил на черной доске объявление о том, что молодежь на ткацкое производство больше приниматься не будет». Герр Вальтершайд, как видите, последователен: отказывая в работе у себя, он как бы продолжает подталкивать молодых к карьере фабриканта. Благо вакансий предовольно. Чего проще: бегай, скажем, с тряпкой да щеткой по городу, стирай пыль с автомобилей, глядь, и разбогатеешь.

Впрочем, иные коллеги герра Вальтершайда, полностью разделяя его озабоченность состоянием юных душ и умов, полагают, что его духовный сироп не в меру переслащен. «Я, например, не считаю, что каждый может стать Авто-Беккером», — с похвальным реализмом признает уже знакомый нам Гельмут Беккер. Молодой промышленник, подобно пожилому герру Вальтершайду, неутомимо печется о нравственном и идейном облике молодежи вообще и безработной в особенности, но делает это поизобретательней. Как, скажем, родилась идея совместной вечеринки молодых безработных и молодых работодателей? «Я приглядываюсь к вам, левым, и перенимаю у вас формы выступлений и всякие оригинальные ходы, которые привлекают внимание общественности» (в интервью журналу «Элан»).

Остается только пожалеть, что герр Беккер собрал на свой сеанс психотерапии всего триста безработных. Маловата аудитория, если учесть, что за стенами дюссельдорфской пивной осталось еще 350 тысяч его 17—25-летних соотечественников, жаждущих работы и не находящих ее. Причем многие считают свое безработное состояние именно трагедией. Кто знает, как сложилась бы, скажем, судьба Герхарда Нирунга из Ауэрбаха или Карла-Эрнста Банте из Нюрнберга, если бы они сподобились выпить на брудершафт с молодым капиталистом и потолковать о том о сем. А так — оба кончили печально. Наложили на себя руки, отчаявшись найти работу.

Исключительны ли эти случаи? Предоставим слово солидному западногерманскому журналу «Штерн». В статье, посвященной молодежной безработице в странах Запада, он пишет: «По-настоящему озадачивает масса «потерянных людей» — тех, кто, не видя выхода, кончает с собой. Почти во всех промышленно развитых странах Запада катастрофически растет число самоубийств среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет...»

КАРТИНКА ВТОРАЯ

...Одно было несомненно: пиво имеет успех. Труднее было понять, проникает ли в души собравшихся лекция. Угощение угощением, но аудитория ждала, когда же устроители перейдут к делу — обещанной раздаче рабочих мест.

Между тем на экране мелькали картинки одна увлекательнее другой. Коллективный разум молодых миллионеров породил на свет кучу необходимейших советов юноше, устраивающемуся на работу [1].

1. Юноша входит в фотоателье. Проникновенный голос диктора: «Запаситесь хорошей фотографией для удостоверения (фотоавтомат для этой цели не годится). На карточке вы должны выглядеть как можно дружелюбнее».

2. Юноша причесывается. («В путь вы должны двинуться, хорошо выспавшись, свежевыбритым и причесанным».)

3. Юношу с доброжелательным вниманием слушает солидный господин. («Смело заявите, что вы тот человек, который нужен данному производству, что вы были бы рады лояльно и добросовестно служить своему будущему хозяину».)

4. Та же сцена. Господин одобрительно похлопывает юношу по плечу. («Лучше всего попросить для начала работу поскромнее. Тогда у вас будут шансы на повышение. Успех и повышение лучше для вас же самих, так как обеспечивают более уверенное будущее».)

5. Господин обнимает юношу как возлюбленного сына. («Не просите высокой зарплаты. Так вы расположите к себе администрацию».)

6. Юноша в рабочем комбинезоне. Вид бодрый. («Имейте бодрый вид и хорошенько подготовьтесь к своему первому рабочему дню».)

Публика немедленно взбодрилась и пригладила вихры, изготовившись употребить в дело преподанные советы.

И вот (наконец-то!) председательствующий встал и торжественно объявил то, ради чего они сюда собрались, ради чего вежливо выслушали (занудную, чего там) лекцию. Компаньоны по демократической вечеринке приглашались вступить в деловые отношения. У одних — работа, у других — руки для выполнения этой работы. Товар на товар. У стола президиума забурлил людской водоворот...

КОЕ О КОМ, КТО НЕ УМЕЩАЕТСЯ В КАРТИНКУ

Не умещается, например, Уве Репен, 20 лет, из города Крефельда. То ли он бриться забывает, то ли глядит букой, но во всяком случае: «Уже год я безработный, хотя думаю, что моя специальность — электрик по токам высокого напряжения — принадлежит к профессиям, требующим высокой квалификации. Обращался к более чем 20 фирмам. Безрезультатно. Ответ повсюду один и тот же: «Господин Репен, у вас еще все впереди, но нам вы не нужны. Желаем вам много счастья».

---

[1] *Многим читателям «Ровесника» этот набор рекомендаций покажется знакомым. Вы не ошиблись: «Ровесник» цитировал (в № 12, 1977) очень похожие советы из американского журнала «Эсквайр». Удивляться нечему. Одна болезнь — одни рецепты.*

Между прочим, сентенции о «правильном поведении» безработного только на первый взгляд кажутся пустыми общими нравоучениями. Если присмотреться к ним повнимательнее, то нарисованный в них идеал — лояльный, послушный работник — обнаруживает внутреннюю логическую связь с расхожими теориями буржуазной политэкономии.

В самом деле, упомянутая пятая заповедь — естественный, «житейский» вывод из давнего, но живучего, пока жив капитализм, тезиса об антисоциальном поведении рабочего класса как причине «чрезмерно» массовой безработицы. Добиваясь оплаты труда выше «нормального» уровня, рабочие вынуждают хозяина сокращать число занятых на его предприятии из соображений экономии. В этом духе высказались англичане А. С. Пигу и Дж. Хикс, австриец Л. Мизес (между прочим, прозванный коллегами «лукавым апологетом»), швед Г. Кассель и др.

Довод этот пользуется широкой популярностью среди предпринимателей. Ведь он срабатывает в любой ситуации. В такой, например, которая описана журналом французских комсомольцев «Авангард»: «В шестнадцать с половиной лет я закончил школу и поступил разнорабочим на завод, — рассказывает товарищ из Эндрэ-Луар. — Получал ниже минимума зарплаты. В это же время я вступил в профсоюз и в комсомол. Через два года меня забрали в армию, а когда я вернулся, мне объявили, что я уволен «из соображений экономии». Мне-то казалось, что моя зарплата не такой уж тяжелый груз для предприятия с 2 тысячами рабочих, а для такой компании, как «Филипс», и вовсе капля в море. Но «охота на ведьм» ведется не только в ФРГ. У нас, во Франции, тоже. Так я стал безработным».

Несколько слов о «лояльности и добросовестности». Англичане Р. Харрод и Дж. Робинсон, американец Е. Домар и другие уверяют: безработица, в сущности, естественное и социально оправданное средство повышения эффективности производства, поскольку она поддерживает конкуренцию на рынке труда и тем самым содействует улучшению качества и квалификации трудовых ресурсов.

Фриц Шпернер, молодой типографский рабочий из города Карлсруэ, на собственном опыте познал справедливость этого утверждения: «Мы чувствуем себя как под прессом. Администрация без конца твердит нам о нынешних экономических трудностях в стране. Если хочешь удержаться на месте, повторяют нам, ты должен работать еще лучше, производить еще больше. Тычут пальцем в газетные статьи: смотри, сколько типографий уже позакрывалось, сколько рабочих вылетело за ворота. И так изо дня в день. С ума можно сойти. Многие этими угрозами вконец запуганы, работают как загнанные лошади, без передышки, без обеденных перерывов. Ими владеет страх. Страх очутиться на улице. Заболеешь — тебя тут же предупредят: в этом году ты проболел столько-то дней; если не возьмешь себя в руки, нам придется расстаться».

В попытке оправдать неспособность капитализма обеспечить полную занятость «лукавые апологеты» изобрели элегантный терминологический камуфляж — «нерастворимый технологический уровень безработицы». С конца 50-х годов ученые мужи на Западе стали понимать под полной занятостью наличие 4-процентной безработицы. Последние годы она держится в странах Европы примерно на 5 процентах, а в США и Канаде — около 9.

Ну а что обо всем этом думает тот, кто «выпал» в «нерастворимый» осадок? Осознает ли он, что виноват не капиталист, а объективная, никому не подвластная Необходимость? В вышедшей в 1976 году во Франкфурте-на-Майне книге «Прочь от окна. Истории и рассказы об увольнениях и безработице в ФРГ» (написанной, кстати, рабочими — членами литературного кружка) молодой безработный рассказывает:

«Я один из тех, кого называют беспокойными. Защищался до последнего. И друзья меня поддерживали. Но все-таки меня выставили. Ладно, зато это кое-чему меня научило. Законы? Да кто у нас вспоминает о законах, когда хотят вышвырнуть человека? Господа предприниматели выворачивают законы как им заблагорассудится. Всегда отыщут лазейку. Законы, свободы... Какие, скажите, у человека свободы, когда он без работы и должен опять начинать с нуля? Во всяком случае, мне-то уже не заморочат голову.

Мы как-то устроили в своем цехе предупредительную забастовку. Хозяева собирались уволить нескольких парней из соседнего цеха. И нашли, на что сослаться — на трудности с заказами! Это когда мы шесть недель подряд работали даже сверхурочно и то не успевали справиться с заказами. Здорово мы их прижали нашей забастовкой, прямо за горло взяли. Пришлось им отказаться от увольнений. Правда, одного-двух они потом все-таки выставили. Мотив! «Подрыв отношений доверия». Ничего формулировочка? Кто-нибудь когда-нибудь слышал, чтобы из-за «подрыва отношений доверия» с рабочим коллективом пришлось уйти предпринимателю? Нет ведь! Что у нас главнее всего? Частная собственность. Частное предпринимательство. Частные интересы. Частная прибыль. Их интересы против наших интересов. Так обстоит дело».

Как видим, этот безработный не считает, что в своих бедах повинен он сам. Как не считают и те, кто испортил всю обедню Гельмуту Беккеру.

КАРТИНКА ТРЕТЬЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Вакансии были розданы, но особого ликования в зале не наблюдалось. Во-первых, подарок благодетелей из Союза молодых предпринимателей оказался не ахти каким щедрым — всего двести мест. Это на триста-то претендентов... Да и из этих двухсот молодые капитаны индустрии наскребли для своего «аукциона» лишь девяносто вакансий, остальные сто десять им подсунули далеко не юные хозяева концерна «Даймлер-Бенц», использовав заявки, все равно приготовленные для биржи труда. Во-вторых, места эти оказались, что называется, бросовыми — среди них не было ни единого, которое позволяло бы получить в будущем квалификацию. Политика политикой, а не извлечь своей выгоды из затеи Гельмута Беккера господа предприниматели, что молодые, что старые, сами понимаете, не могли. «Будем откровенны, в конце концов главное — заполучить рабочую силу подешевле, неважно, каким способом», — сообщили корреспонденту «Элана» герр Реес и герр Хайманн.

В общем, праздник увял. Ни к чему уже заповедь насчет «бодрого вида» 22-летнему Удо Метцнеру. («Я пришел сюда с твердой надеждой получить место. Я уже шесть месяцев без работы и отсюда вот ухожу с пустыми руками».) Что-то не хочет светиться «дружелюбием» 18-летний Лотар Шмитц. («Я надеялся, что услышу здесь какие-то конкретные планы по сокращению и вообще ликвидации безработицы. Я заканчиваю школу и рассчитывал узнать, смогу ли потом получить такую работу, которая мне нравится».)

И уже совсем некстати, как считает герр Беккер, было появление незваных и неожиданных гостей. Предоставим описать этот эпизод очевидцу — корреспонденту «Элана».

«Перед подъездом, освещаемые блицами и лампами фоторепортеров и фарами проезжавших автомашин, стояли четырнадцать молодых безработных, обрядившихся в одинаковые белые балахоны и скованных одной длинной цепью. Над ними большой транспарант с надписью: «Бал предпринимателей и рабочих — Невольничий рынок XX века». На груди у каждого щиты со словами: «Вместо вечеринок для безработных — учебные места для получения квалификации!» — и крупными буквами: SDAJ (Социалистическая немецкая рабочая молодежь). Это собрались те, кто не верит в милосердие предпринимателей. Они решили взять свою судьбу в собственные рабочие руки — вместе, организованно

Демонстранты не остались у подъезда. Громыхая цепью, они вошли в зал, встали у микрофона и задали ряд горьких вопросов: «Не угоден ли господам предпринимателям живой товар по дешевке? Извольте, мы готовы». Настроение в зале быстро меняется. Задумываются даже те, кто собирался было написать в свои газеты похвалы молодым предпринимателям за их «энергичность» и «близость к простому люду».

21 час. Шоу прикрывается. Телекомментаторы, отойдя от микрофонов, подводят итог: «Пожалуйста, дорогие господа из Союза молодых предпринимателей, не выставляйте себя впредь в таком глупом виде. Вам же от этого хуже».

Ребята из СНРМ показали, что они хорошо разбираются в ситуации. И объяснили другим, что крупному капиталу не скрыть своей ответственности за молодежную безработицу. Хотя бы и с помощью фокусов — таких, как эта вечеринка».

Вскоре после опубликования «Эланом» материала о пивной «инициативе» герра Беккера на имя главного редактора этого журнала пришло гневное письмо от молодого предпринимателя. «Могу себе представить, как вы настроили против меня молодых людей своим материалом, — бушевал он. — Можно лишь пожалеть, что так много интеллекта и компетентности, которые я признаю за вами, употребляется не на пользу народа из-за вашей политической позиции. Успеха в ваших будущих начинаниях пожелать не могу».

«Элан» воспроизвел факсимиле этого письма и снабдил его такой припиской: «Заверяем господина Авто-Беккера, что и впредь будем употреблять свой «интеллект и компетентность» на подготовку подобных материалов. И это будет как раз к пользе народа».

МИНИ-ЭПИЛОГ

Герр Гельмут Беккер заявил, что, несмотря на неудачу своего первого братания с безработными, он намерен устраивать такие вечеринки и впредь. Видно, не дает ему покоя картинка этакого оазиса классового умиротворения, где и волки сыты, и овцы целы.

Успеха в этих будущих начинаниях мы ему, как и «Элан», пожелать не можем.

ИЗ ОТЧЕТА XVIII СЪЕЗДУ ВЛКСМ:

МИР КАПИТАЛА, МИР НАЖИВЫ И НАСИЛИЯ ГЛУБОКО ВРАЖДЕБЕН МОЛОДЕЖИ.

КУЛЬТУРА БЕЗРАБОТИЦЫ

КАК ЭТО ЗДОРОВО — ПРЫГАТЬ ВВЕРХ И ВНИЗ!

**Лестер БЭНГС,
американский
журналист**

Я уже подумывал забросить всю музыкальную писанину, когда у меня все чаще и чаще стали раздаваться звонки проныр-журналистов, и все они хотели знать, что это за новый феномен — «панк-рок». Вначале это повергло меня в некоторое недоумение. Насколько я помнил, панк-рок впервые поднял свою чумазую физиономию в 1966 году. Тогда были «Сидз» и «Каунт файв». Но после провала их первых пластинок он был похоронен и забыт.

И вдруг в семьдесят шестом появились все эти группы «Новой волны», и они стали воплощать собой настоящий дух рок-н-ролла: «Трахнем по всему, кому охота разбираться?!» Да только это, по-моему, слишком легко и просто — нацепить собачий поводок и черную кожаную куртку, поплевывать кругом и цедить, что ты хочешь выпить чего-нибудь дурацкого и сломать кому-нибудь хребет. Панк воспроизвел те же тенденции, против которых восставал, — и скуку и равнодушие. И все мы ждали группу, которой хоть до чего-то есть дело.

Видите ли, дорогой читатель, все, что связано с панком, так или иначе вращается вокруг убеждения: мне паршиво, тебе паршиво, всему миру паршиво, будущего нет и всем на все наплевать, — а этого, на мой взгляд, как-то недостаточно.

Не спрашивайте меня почему. Я только наблюдатель. Но если мы рассмотрим ситуацию «Мы (панки) против Них (капиталистическая система)», то любой наблюдатель вам скажет, что такое положение дел «их» (капиталистическую систему) вполне устраивает, так как лозунги панков означают моральную капитуляцию.

Я сделал бы из этого следующий вывод: не могут нравиться люди, которые отвратительны самим себе (панки); имеет смысл идти за теми, кто во что-то верит и борется за это, разумеется, если это «что-то» праведно.

Драгоценное и неуловимое качество, эта праведность. Я бы сказал так: праведность означает, что ты более-менее на стороне ангелов в пресловутой последней битве Добра и Зла; это значит в поте лица просвещать других и убеждать их, заставлять их почувствовать и применять свои способности. А не ползать в грязи, издавая вопли о жестокости угнетателей.

Праведный менестрель тоже полон критики существующего порядка и возмущения, но даже если у него нет конкретной программы социальных перемен, он все равно полон надежды. «Секс Пистолз» не праведники, но вот «Клэш» — а я приехал в Англию именно из-за них — больше, чем любой другой ансамбль «Новой волны», напоминают мне оных.

Почему? За всем их колючим звукотворчеством я чувствую настойчивую человечность. При этом трудно ткнуть пальцем в какое-то конкретное место их песен — слова их довольно отчаянные, но их музыка, кипящая от ярости и боли, — это все же попытка увидеть проблеск нового и лучшего мира

Я знаю, очень легко быть циничным; вообще одна из самых немодных вещей сейчас — проявлять свою озабоченность и участие. А «Клэш» озабочены до воинственности. Так не потому ли они стали таким авторитетным рупором английской молодежи, стоящей в очередях за пособием по безработице?

Теперь, когда мы коснулись политики, я хотел бы сначала оговориться: 1. Я не знаю ничего о классовой структуре Англии. 2. Меня совершенно не интересует классовая структура Англии.

Я слышал о ней, понимаете ли... Я знаю, что именно из-за нее Род Стюарт поет теперь песни для домохозяек, и из-за нее Пит Тауншенд[1] послал всех к черту. Я думаю, что к ней имеет отношение и фраза, брошенная мне одним здешним журналистом: «У Джо Стаммера из «Клэш» образование как у всех поганых представителей средних классов!» — и это должно было означать, что сам он ни гроша не стоит, а песни его — надувательство. Итак, я приехал в Англию, чтобы пообщаться с ансамблем «Клэш», и о политике я говорить совсем не собиралось!

И вот я в Дебри и готовлюсь к присутствию на первом панк-концерте. Судя по сообщениям, которые я читал в Штатах, мне предстояло столкнуться с бурлящим месивом малолетних бандитов, жаждущих крови, и чем больше у меня будет шансов оказаться заживо съеденным, тем вернее возможность заполучить хороший материал. Поэтому я снял кожаную куртку и оделся так прилично, как только мог. Словом, когда коллеги увидели меня, они долго смеялись.

Я нагло пробил себе путь среди подпрыгивающих от нетерпения масс и устремился в самое логово зверя — к сцене, где и стоял в ожидании жестокого нападения боевых псов анархии.

Нужно ли говорить, что ничего этого не случилось? В противоположность всему, что я читал раньше, должен заявить, что панки оказались смирными ребятами. Да, они любят свой клановый танец «пого». По поводу этого забавного ритуала: первое, что я увидел, войдя в зал, были несколько сот маленьких головок, выскакивающих и скрывающихся, — человекообразные гвóздики. Когда я присмотрелся к этой забаве поближе, оказалось, что она не так уж и бессмысленна: когда народу набито, как сельдей в бочке, невозможно танцевать в традиционной манере (то есть, перемещаясь в горизонтальной плоскости). Вот и приходится двигаться по вертикали.

Однако есть другой аспект массового поведения, далеко не столь веселый и находчивый: плевки. Это на самом деле «новое слово», и я хочу заявить немедленно: послушайте вы, маленькие обормоты, это тошнотворно и глупо (глупо не в смысле «наивно», а в смысле, что так поступают сопляки-подонки). Все группы ненавидят плевки, и было бы куда лучше, если бы вы нашли менее оригинальный способ высказывать свое восхищение происходящим.

Конец лекции по морали. В первый вечер «Клэш» несколько разочаровали. Играли они хорошо, все было на своих местах, но вот как-то не хватало им энергии.

Войдя в раздевалку после концерта, я крикнул: «Слабоватый концерт, да, ребята?» — и они рассмеялись, хотя было видно, что им совсем не смешно. Позже я выяснил, что у Джо Стаммера невыносимо болел зуб, а поскольку остальная часть группы замкнута с ним накоротко, постольку страдали все. У Джо было полное право взять неделю отпуска, но он не хотел отменить ни одного концерта. Довольно незаурядный акт самопожертвования.

С этого я начал уважать «Клэш», и по мере дальнейшего моего знакомства с ними уважение это становилось все большим.

Начнем по порядку. Несколько интересных уроков я получил, когда мы вернулись в отель. Группа поднялась в свои комнаты, а я, Элли (пресс-агент фирмы Си-би-эс), Пенни (фотограф) и куча поклонников уселись в холле. Я начал брюзжать, потому как если я что-то и научился ненавидеть на этом свете за много лет, так это паразитическое сидение в холле какого-нибудь поганого отеля в ожидании того, что некий дрянной «великий и могучий» рок-ансамбль удостоит тебя своим царственным появлением.

Однако через несколько минут «Клэш» присоединяются к нам. И я вижу, что в отличие от всех, кого я встречал раньше, они абсолютно не строят из себя «звезд», а, наоборот, искренне заинтересованы, очень хотят пообщаться со своими «фэнами».

Мик Джонс был особенно общителен, так что я пробрался к нему. Днем раньше я спросил у одного своего английского коллеги, какого рода вопросы мне стоит задавать «Клэш». Он сказал: «А ты спроси: какова их конкретная политическая программа и что они намерены делать, когда отзанимаются риторикой...»

Итак, хвастливый и самоуверенный, как всегда, я начал доставать Джонса неотра-

---

Статья, перевод которой мы публикуем, написана американским журналистом для англичан. Это статья о музыке, точнее, об ансамбле «Клэш», одном из представителей «Новой волны» (о панк-роке «Ровесник» писал в № 2 за 1978 год). Но это еще и статья о жизни молодых англичан, о том следе, который оставили экономические потрясения последних лет — прежде всего безработица, в их внутреннем мире, в их культуре. Разумеется, каждой стране присущи свои особенности, которые даже общие проблемы, в том числе и те, что были порождены общим для Запада экономическим кризисом, окрашивают в свои тона. Это, кстати, замечает и приехавший в Англию американец Бэнгс. Все же главное от этого не меняется, а вывод из безработицы и в области культуры везде равнозначен: безработица и здесь уродует в человеке человеческое.

[1] *Род Стюарт (бывший участник группы «Фэйсиз») — и Пит Тауншенд из группы «Ху» — в прошлом исполнители «прогрессивного» рока. — Примеч. ред.*

зимыми, на мой взгляд, умными и язвительными вопросами. Он только смеялся в ответ и парировал их шутками, а «фэны» хихикали над выпадами придурковатого американца.

Наконец Мик посмотрел мне пристально в глаза и сказал: «Послушай, Лестер, почему ты задаешь мне эти вопросы?»

В какую-то секунду озарения я понял, что он прав. Вот он я, взрослый дядя, перелетевший Атлантический океан и забравшийся в английскую провинцию только для того, чтобы выспрашивать какую-то рок-группу о смысле жизни! Некоторые люди никогда ничему не учатся. Я в их числе, потому что немедленно обрушил на Джонса свою стандартную речь: «Ля-ля-ля-деперсонализация-ля-ля - ля - солипсизм - ля ля-ля...»

«Ладно, — сказал Мик, — если все это тебя так огорчает, почему бы тебе с этим что-нибудь не сделать?» Мик показывает на одиноко сидящего малолетнего поклонника и говорит: «Моя комната переполнена, ничего, если Адриан поспит у тебя, а то его родители из дому выгнали...»

Я обалдел. Я торчу среди представителей умирающей нации, этих смешно выглядящих детей, которые и представить себе не могут, что приближается конец света, — а они вдруг предлагают мне устроить из моей собственной комнаты благотворительную ночлежку! Я вяло что-то пробормотал, отказался... Огорченная тишина расползалась по комнате, а Мик смотрел на меня в шоке, будто я открыл ему дотоле неведомые темные стороны человеческой натуры.

Утром я узнал, что «Клэш» всегда приглашают к себе слушателей после концертов, и если те задерживаются, то спят на полу в комнатах музыкантов.

Вот потому-то я в «Клэш» и влюбился: вместо болтовни о переменах они придумали себе модель мини-общества равноправных и претворяют эту модель в жизнь — насколько способны, конечно.

На следующее утро мы уже мчимся в Бристоль. К этому времени дружелюбная и веселая атмосфера внутри ансамбля погрузила меня почти в экстатическое состояние. Теперь я был готов отдаться всему, потому что стало мне казаться — правда это или самообман? — что над всем этим путешествием простерта некая благодать. Я начал смотреть на поездку как на какое-то символическое паломничество в Обетованную Землю Человечности.

В Бристоле — аншлаг. С того самого момента, как группа врывается на сцену, она — сама энергия. Стаммер взвинчен и напряжен, лицо его искажено от праведной ярости. Это не придуманное, не «поставленное» отчаяние: гнев, спущенный с поводка на сцене, терзания настоящей боли, бьющие по нервам слушателей, как летняя молния. И в этой обстановке веселый дурацкий «пого» представляется уже явно жалким и недостаточным ответом человеку, выливающему в крике свою душу.

Рок-музыка — это политика. И политика рока в Англии, Америке или в любой из западных стран состоит в том, что молодые люди хотят вылететь из собственной кожи под воздействием музыки. Они представляют себе, что этот вот вечер — последний в их жизни, и хотя на следующий день они снова вернутся на работу, или в очередь за пособием, или к папе и маме, сидящим у взятого в долг телевизора, — ничто не затмит в их головах реальность этого вечера, дающего редчайший шанс в жизни — вырваться из рутинного круга своего существования, горьких мыслей о бездарно уходящей юности.

Вернувшись в отель, все соглашаются, что такой отличный концерт надо отметить в баре. Я задерживаюсь у себя в комнате, читаю последний номер «Ньюсуика», статью «Поворачивает ли Америка вправо?». (Мой ответ — да.) Странное ощущение — здесь, посреди чужой страны, читать о своем отечестве и при этом чувствовать себя здесь как дома, а об американцах думать как об иностранцах.

Это чувство ложилось на меня все более тяжким грузом по мере того, как я углублялся в Англию. Я стал чувствовать, что в американской культуре что-то омертвело, прогнило. Не только в музыке, конечно, но во всем обществе, на всех его, даже самых элементарных, уровнях. Ирония в том, что, читая в ваших журналах, насколько отвратительна ваша ситуация, я воспринимаю ваше отчаяние как реакцию здорового организма, а наше сытое благодушие — как смерть.

Я хочу сказать, что у вас есть позиции, за которые можно бороться. Те, кто у вас называется «национальным фронтом»[1], у нас уже победили, и произошло это предательски незаметно. Разница в том, что для вас «Нет Будущего» означает быть выброшенным на свалку экономического кризиса, а для меня это бесконечные телевизионные экраны, источающие отвратительную ложь и фальшь: массовые прививки с дозой Смерти против бактерий Сомнения.

Следующий день — долгая дорога на Юго-Запад. Ребята убивают скучные часы чтением, я пишу. Кстати, а знаете ли вы, что эта штучка обходится издателям по семь с половиной центов за слово? Справедливый контракт, скажете вы, пока не обнаружите, что по этой схеме за такие разные вещи, как «о» и «салициловокислый», получают одинаковые деньги. Интересно, что вам теперь скажет ваше классовое чувство?.. Теперь вы знаете, почему 99 процентов всех издаваемых писателей сачки и компиляторы — потому что клише хорошо оплачиваются. Вы можете сказать, что я посягаю на свободы, и вы будете правы. Но я сочту свой долг исполненным, если смогу убедить вас до такой степени, что и вы тоже станете посягать на наши драгоценные свободы — в частности, дохнуть с голоду.

Вы слабо соображаете? Если да, то бегите на любую станцию метро и хватайте там дешевые брошюрки «Как заработать кучу денег». Думайте о блестящей карьере, которая, может быть, проносится мимо вас сию секунду...

Слушайте — план спасения британской нации номер девять: в Америке сейчас нехватка операторов ЭВМ и программистов. А среди британской молодежи — массовая безработица. Так вот, переселяем все население Соединенного Королевства моложе 25 лет в учебные центры Нью-Джерси и Массачусетса. Вдалбливаем им в головы цифры и коды... Словом, задуряем им мозги, и пусть себе возятся с компьютерами день и ночь. А затем показать их по телевизору с блаженной улыбкой и выпученными глазами: «Привет! Я был ленивым сопляком! Но вот я открыл «Компьютерсайд Дайнэмикс Инкорпорейтед» — и это полностью перестроило мою жизнь. Я счастлив! Я шагаю вверх по лестнице в перспективной отрасли индустрии! Слава богу, матушка, у меня есть работа!» А затем он начинает плаксиво подвывать: «Подумать только... всего лишь два месяца назад я торчал в этой Англии... безработный... без перспектив... Никакого уважения... бесполезный кусок человечьей дряни... Спасибо, дядя Сэм!»

Кто говорит, что этот мир стар, велик и бесконечно сложен? А я скажу тебе, дружок, что все это сводится, дружок, к одному слову: работа. Если она у тебя есть — все в порядке. Ты невредим, безнаказан, ты принц в своих собственных, с боем добытых владениях! А если ее нет — ты абсолютное ничтожество; очередной грязный нарост на ржавых сточных трубах национальной экономики. Почему, вы думаете, я вам все внушаю, что это самая важная вещь на свете? Это билет на пребывание в человеческом обществе.

После очередного концерта, в раздевалке, я общаюсь с несколькими поклонниками «Клэш». Один из них — Мартин, ему четырнадцать лет. Я спросил Мартина, что такого особенного нравится ему в «Клэш» по сравнению со всеми остальными группами «Новой волны».

Его ответ: «Их тотальное духовное и физическое противодействие фашистским и империалистическим врагам народов на всех уровнях и то, что они чувствуют разницу между искусством и пропагандой. Они понимают, что форма должна быть так же революционна, как и содержание. Рок-н-ролл является формой, но вот если бы мы смогли сделать его содержание таким же неотразимым и боевым, как форма, тогда бы мы чего-то достигли. Мы бы достигли того, чтобы и нам перестали относиться как к навозу на полях благоденствия. К нам бы стали относиться по-человечески, они бы поняли, что главное, что нам нужно, — это РАБОТА».

Мартин был умен для своего возраста. Ну, может быть, не так уж умен, как вся эта речь. А может быть, и намного умнее. Потому что, конечно, он ничего этого не говорил. Я это сам воссоздал. А Мартин сказал: «Мне нравится «Клэш», потому что они так клево одеваются!»

Точно та же история была и со всеми остальными «фэнами». Никто не говорил о политике, даже о безработице — а я, конечно, не собирался им подсказывать. В тот вечер я слышал следующие типичные ответы: «Их звучание... не знаю, я просто начинаю прыгать и скакать!», «Их музыка, она восхитительна. А слова, такие суровые, и вообще, как они выглядят на сцене!» Бедные дети...

Эти дети — преступники уже хотя бы потому, что они несчастные дети. И они не стесняются об этом говорить. В Америке вы можете проскочить в «средний возраст» со всем своим юношеским снаряжением и привычками, при этом не испытывая больших неудобств: о'кэй, у парня жена, трое детей, квартира, и он по-прежнему возится со своими фарами, шлемами, накачивает себя пивом и будит всех сиренами... Ну и что? В Америке вовсе не обязательно, чтобы вы взрослели. Обязательно лишь, чтобы вы были потребителем. А в Британии, напротив, существует вроде какой-то идеал, не идеал даже, а высохшее русло идеала, но по-прежнему культивируемое... Что вы, значит, должны создать себе спокойное гнездышко, взрастить там семью, поддерживать связи с обществом («вносить лепту») и не болтать языком. И все это, пока вы не постареете... А вот тогда вам разрешено будет стать «эксцентриком» — делать и говорить всякие странные вещи, потому что от вас этого будут ждать.

А между этими границами вас ждет или тихое отчаяние, или явное аутсайдерство. Если Фрейд прав, утверждая, что все общества основываются на подавлении, то Англия должна быть в этом смысле апогеем западной цивилизации. Так что неудивительно, что у вас существуют «проблемы» в виде панков. Я бы сказал, — это что-то вроде самовскрывающихся фурункулов.

Вы запихнули этих несчастных молодых людей в невидимые тюрьмы только за то, что они не смогли влиться в объединенную общими принципами великого капитализма безликую общую массу. Ваше презрение ставит их в безвыходное положение — и они вымещают все друг на друге и на самих себе. Так что, если читает меня сейчас кто-нибудь, кто имеет власть, общественное положение, несет ответственность за происходящее в вашей стране, вы можете гордиться: поздравляю — вы создали общество людоедов и самоубийц!

[1] *«Национальный фронт» — крайне правая, профашистская партия. — Примеч. ред.*

После концерта в Бирмингеме (там «Клэш» прямо так и заявили слушателям, чтобы они не смели плеваться) все мы пошли в дискотеку. Дискотека напомнила мне разом все то, от чего я рад был удрать, улетая из Нью-Йорка: прозрачные светящиеся полы и стены, чугунная музыка на чугунной громкости, цветомузыка, стробоскопы — словом, все патентованное неоновое веселье для ребят и девчат, пока дядя не вырубит рубильник. Дискотеки — это концлагеря, вроде острова Удовольствий в фильме Диснея «Пиноккио». Танцуйте, танцуйте, ребята, забывая про все, про эту навязшую в зубах безработицу (чур меня, что это все время заносит в политику?), и ваш нос вырастет длинным-длинным, а мы распилим его на дубинки...

Я попытался немного потанцевать, но потом только стоял и глазел, и глазел... Вот девушка в черном кожаном костюме, вот девушка в лоскутках — прыгают, согнув ноги, по залу, похожие на странную смесь паука и страуса; а девочка-ударник из группы «Лоуз» сначала прошлась по полу на коленях, а затем встала на все четыре и стала носиться как пес. От этого зрелища мне стало совсем тошно.

Если меня станут спрашивать о социальном лице панка, я сразу вспомню эту девушку из «Лоуз», марширующую кругами на всех четырех... И ее лицо в это время: оно было безмятежно, пусто, ничем не озабочено, совершенно бессмысленно.

В общем-то панки создали свою форму пассивного сопротивления всемогущему социальному порядку — целая культура безработицы, но остается вопрос о том, какие альтернативы они могут предложить. И все же это явление говорит хотя бы о том, что молодежь сознает и чувствует свои нереализованные возможности, а это уже много значит.

Когда я как-то усадил Джо Стаммера, чтобы взять у него магнитофонное интервью как у явного лидера группы, он ответил: «Я не лидер! У нас нет никаких вонючих «лидеров»!»

Парадокс для меня в том, что панки с их отчаянными повадками — это овечки. И верьте мне, я всей душой с овечками — против всех буйволов-манипуляторов. Я не хочу никаких Иисусов в моей Земле Обетованной, да и не нашел я ее в конце своего путешествия с «Клэш». Итак, «мы не хотим больше лидеров», но ведь нужны же хотя бы новые модели! «Клэш» пытаются что-то придумать в меру своего разумения, другие могут только рычать...

Я завел разговор с девушкой, прыгавшей в «пого» неподалеку от меня. Она была очень свежая, очень хорошенькая, очень юная и очень рассерженная тем, что «Клэш» просили зрителей не плеваться.

— Но послушай, — сказал я, — они же играют лучше, когда им не надо отвечать на плевки!

— Какое мне дело!

— Да.., но что ты тогда здесь делаешь? То есть ради чего ты пришла слушать «Клэш»?

— Потому что под них здорово прыгать вверх и вниз!

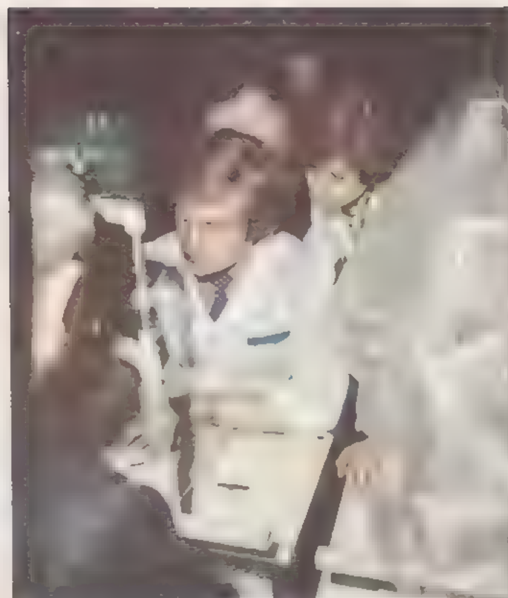
Черт побери, я же собирался не говорить о политике?

Перевел с английского с сокращениями
А. ТРОИЦКИЙ

РАБОЧИЙ ДЕНЬ С ДЕВЯТИ ДО ТЕХ ПОР, ПОКА ЕСТЬ БОЛЬНЫЕ

В. РАДИН

Фото Г. МАЛАХОВА



9.00. С лазера и с щелевой лампы сняты полиэтиленовые чехлы, и сестра вводит в комнату первого больного. Это слепой старик. Он одет в чистый ветхий френч и серые больничные штаны, которые ему велики. Старик и сестра пересекают комнату минут за пять. В комнате нет окон; стены окрашены в густой серый цвет; под потолком горят люминесцентные лампы. Старик душераздирающе шаркает домашними тапочками. Но вот наконец сестра подводит его к лазеру и уходит. Старик стоит у стула и прислушивается. Его коричневое морщинистое лицо напряжено и измучено напряжением

— Стул слева от вас, — предупреждает врач Андрей Большунов и помогает старику сесть.

Андрей Большунов, двадцативосьмилетний врач, смотрит в окуляры и поворачивает колесико увеличения. Телосложение вполне позволило бы Андрею Большунову занимать первые места в боксе, в полутяжелой весовой категории. В его присутствии мир кажется безопасным и прочным. Он так ярко, так привлекательно, так рекламно здоров, что, глядя на него, любому меланхолику захочется выздороветь. Он одет в синий дорогой костюм при синем галстуке, в красную рубашку. Андрей Большунов еще не надел халат, но халат при лечении лазером не обязателен: нет опасности занести инфекцию.

Андрей Большунов видит глаза старика, увеличенные в сорок раз. В окулярах колышется красная, пронизанная сосудами масса. У старика язва роговой оболочки. Андрей Большунов поднимает пальцами веко больного, снова смотрит в окуляры. «Не водите глазом!» Он нажимает педаль, раздается двойной щелчок, как в пинг-понге при обмене ударами, с фиолетовой пластинки, скрытой между серыми и черными окулярами, срываются ядовито-зеленые вспышки и устремляются в невидящий, широко открытый глаз.

Андрей Большунов слышит тихие шаги, кто-то подходит и смотрит в третий окуляр, выведенный вверх и в сторону.

— Доброе утро, Ева! — говорит Андрей Большунов, не отрываясь от окуляров.

Доктор медицины Карлова университета Ева Ружичкова из Праги проходит двухнедельную стажировку в лаборатории лазерной микрохирургии. Она видит, как по красной страдающей массе скользит голубая точка — луч наведения; голубая точка находит ссадину, точную копию ссадин, ко-

торые бывают у детей на локтях и коленях; видит внезапные и ослепляющие, как молния, вспышки. Большунов припал к окулярам, спина его напряжена, одной рукой он держит веко больного, другой плавно сдвигает ручку наведения. Весь глаз, все зеркало души, все поле деятельности хирурга имеет в поперечнике 23 миллиметра. Часовой мастер — дровосек по сравнению с хирургом; неточное движение рук опасно для больного.

Пять дней назад старику сделали операцию, но операция не вернула зрения. После операции остались кровоточащие сосуды, и Большунов прижигает их, делает диатермокоагуляцию.

Процедура окончена, но старик, не слыша разрешения врача, продолжает сидеть, уперев лоб в планку и вставив подбородок в выемку. Еве Ружичковой нет надобности делать спокойное и ободряющее лицо, потому что старик не видит. Она наклоняется к старику с сочувствующим лицом. Больной никогда не должен видеть такого лица у врача, потому что такое лицо значит, что больной безнадежен. Ева Ружичкова касается плеча старика легким, ласковым прикосновением. Будто ждет, что старик прозреет. «Все, все».

Андрей Большунов вырос в городах Лиепая и Калининград. Кончив школу, он приехал в Москву поступать в институт. Москва — город бóльших возможностей, чем маленькие прибалтийские города. В Москве есть метрополитен, Большой театр, и в Москве даже ночью разъезжают десять тысяч такси. Но и через много лет после переезда осталась тоска по тем местам, где он вырос: по прибалтийским городкам с чистыми улочками, ведущими к морю; по морю, открывающемуся за дюнами, поросшими редкой сосной; по морю, серому и ржавому на отмелях; по острому запаху сосны, соли, смолы, на котором настоян воздух в прибрежных городках и поселках.

В школе Андрей Большунов увлекся театром. Он три раза в неделю занимался в театральной студии. «Это была серьезная студия, не кружок для дилетантов. Мы занимались декламацией, разбором стихотворений, пластикой движения. Я сам верил в то, что я актер. В молодости самое важное, наверное, — это внешнее проявление профессии. Руководитель кружка говорил, что у меня есть все данные, чтобы поступить в театральное. Мать Андрея Большунова, врач-офтальмолог, тоже стала подготавливать сына к поступлению в институт: подкладывала книжки про медицину и врачей, брала с собой на операции. В десятом классе Андрей Большунов еще не знал: актером или врачом? Мама говорила: «Неизвестно, каким ты будешь актером, плохим или хорошим, а чтобы быть хорошим врачом, у тебя есть все данные».

Андрей Большунов поступил в Первый медицинский институт и в 1969 году, на третьем курсе, в научном студенческом кружке занялся малоизученной проблемой: лазерной хирургией. Большунов не стал актером, а стал врачом, потому что это было более надежное занятие; но актерская склонность к импровизации, к движению, к созданию нового не исчезла, и, когда представился шанс, Большунов с радостью взялся за дело, которое равно могло принести успех и неудачу. Эта тихая скромная работа в лабораториях требовала людей с душой пионеров. Лазерная хирургия была малоизученной, полной опасностей областью; рисковать собой было бы куда проще, но рано или поздно надо было перейти от кроликов, на которых ставились опыты, к людям и рисковать больными. Ведь в медицине научные исследования имеют смысл только тогда, когда помогают лечить.

ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЕ НА ВСЕХ УРОВНЯХ И В РАЗНООБРАЗНЫХ ФОРМАХ ВСЕСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ ТЫСЯЧ И ТЫСЯЧ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, ШИРОКИЙ, МНОГОПЛАНОВЫЙ, ТОВАРИЩЕСКИЙ ОБМЕН ОПЫТОМ — ВСЕ ЭТО СТАЛО НОРМОЙ НАШИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, ПРАКТИКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА.

(Из Отчетного доклада ЦК ВЛКСМ XVIII съезду комсомола)

Летом 1973 года был основан Всесоюзный научно-исследовательский институт глазных болезней. Директором института стал М. М. Краснов, хирург с мировым именем и душой пионера; его операции были известны задолго до того, как он возглавил институт. В сорок шесть лет М. М. Краснов стал академиком. Он подбирал в свой институт молодых врачей с ярко выраженными научными и пионерскими способностями. Он создал при институте лазерную лабораторию, в которой со дня ее основания работает Андрей Большунов.

11.00. Мальчик десяти лет в синей школьной форме стоит у двери и ждет врача. Мальчик волнуется и с тоской на бледном лице переступает с ноги на ногу.

— Андрей Валентинович, ваш больной!

Андрей Большунов выходит из соседней комнатки, где заполнял историю болезни.

— Здравствуй! — говорит Андрей Большунов. — Ну пойдем посмотрим тебя.

Мальчик и Большунов садятся за лазер. Ева Ружичкова смотрит в окуляр. В окуляре вздрагивает глаз, зеленый, как старая глубокая вода, с серебряным бликом.

— Ева! — говорит Большунов. — Было проникающее ранение в глаз. Авторучкой.

Ева Ружичкова не отвечает, смотрит в окуляр с нежной задумчивостью, как смотрят на картину или слушают классическую музыку. Глаза — зеркало души; глаза, увеличенные в двадцать пять раз, — сама душа. В них нет ни боли, ни любви, ни других ежедневных, бытовых чувств. Оттенки исчезают. Глаза сияют чистыми, как после летнего дождя, красками.

«Ну, разве больно было?» — спрашивает Большунов. «Не больно, а страшно. Как отбросит. Зеленые вспышки. И глаз нельзя закрыть». — «Почему нельзя?» — «Нельзя. Как иголочкой прошьет». — «Что ты говоришь! Ничего не прошьет!» — «Прошьет! — Мальчик даже порозовел от волнения. — Прошьет, спорим?» — «Нет, не будем. Все равно не проверишь. Как ты видишь теперь, посветлее стало?» Мальчик долго смотрит. «Я теперь люблю смотреть. Приятное дело. Я ведь теперь-то шариковые ручки сосать отучился». — «Смотри, ничего, пожалуйста, — говорит Большунов. — Я ведь тебя не тороплю».

Ева Ружичкова — маленькая элегантная женщина тридцати одного года. С десяти до четырех Ева Ружичкова смотрит в окуляры и слушает пояснения Андрея Большунова и других врачей. В день бывает двадцать или двадцать пять больных. Сама по себе работа с лазером проста: наводи голубую точку на цель, нажимай педаль. Но прежде нужно научиться ставить диагноз и определять, где лазер поможет, а где — нет. В работе, в общении с советскими врачами незаметно, что Ева Ружичкова — человек из другой страны и что она работает в лаборатории только восьмой день. Никаких драматических сцен, никаких волшебных исцелений. Все больные похожи в своем страдании. Весь процесс учебы состоит в сосредоточенном созерцании глаз через окуляры и в обмене репликами, понятными только медику. Никто не говорит о своем месте в медицине, о великой общности врачей всех стран. С тщательностью следят за мелочами: у всех чистые, слепящие белизной халаты; все говорят больным: «Пожалуйста!», все слаженно, как театральная труппа, помогают больным спокойными улыбками и уверенным тоном. Никто не расхваливает лазер — лазер всего лишь техническое приспособление, облегчающее труд врача, подобно тому, как стиральная машина облегчает труд домашней хозяйки. Нет ощущения необычности, хотя лечить лазером глаза действительно необычно; но речь идет не о том, чтобы осчастливить человечество, дав ему неухудшающееся зрение, а о шажке вперед, о том, чтобы облегчить человеку малую часть его страданий. Все делается в несуетливом ритме, рассчитанном на годы, а не на взрыв недельного энтузиазма, основательно, без саморекламы, без желания пожертвовать, повсхлипывать, найти в себе корысть, все делается по-человечески.

12.15. В конференц-зале Андрей Большунов читает студентам четвертого курса санитарно-гигиенического факультета лекцию о применении лазера в офтальмологии. Студенты, все в белых халатах и в шапочках, с определенной торжественностью на лицах сидят в два ряда вдоль длинного стола. Ева Ружичкова сидит в первом ряду и записывает лекцию в толстую тетрадь по-чешски. На обложке тетради с большим старанием выведено: Eva Ruzicková DM. Студенты начинают сдержанно, не теряя достоинства, шуметь, когда диапозитивы с десяти- или двенадцатиступенчатыми схемами проецируются на экран вверх ногами. Большунов объясняет, не переставляя диапозитивов, потому что, по его мнению, такие простые схемы легко понять и в перевернутом состоянии. Термины весьма живописны: глаукома происходит от греческого glaucos, что значит цвет морской воды; желтое пятно; краситель бенгальская роза; зрительный пурпур; катаракта происходит от katarrhactes, что значит ниспадение воды. Описывая полостные операции, Большунов говорит: «Глаз вскрывают, как консервную банку, — с одной стороны». Андрей Большунов кончил институт пять лет назад и относится с уважением к памяти студентов. В особо важных местах он предупреждает: «Запомните это! Через десять минут это вам понадобится!»

После лекции Андрей Большунов и Ева Ружичкова спускаются в лифте для больных на первый этаж. В лифте горит тусклый голубой свет. На восьмом этаже лифт останавливается, и сестра ввозит в лифт стол-каталку с голым мужчиной под простыней. В левом глазу мужчины лежит ком ваты, правым глазом мужчина внимательно смотрит в потолок. Лифт едет дальше, все молчат, гудят лампы. На седьмом этаже сестра вывозит каталку. На первом этаже Большунов и Ружичкова выходят, идут по коридору, где вдоль стен на стульях и скамейках сидят больные, входят в дверь с черно-желтой табличкой: «Без вызова не входить! Лазерная опасность!»

15.00. Врачи, работающие в лазерной ла-

боратории, сидят в маленькой комнатке вокруг стола и ждут, пока закипит электрический чайник. Стены в комнатке окрашены в белый; в комнатке чисто, светло и тем более уютно от того, что за окном потемнело и пошел снег. В комнате на полках растут цветы в горшочках: круглые, как бочонок, кактусы с желтыми колючками, нежно-зеленый, просвечивающий листьями на свет вьюн. На стене висят детские цветные рисунки, вырезанные из журналов, и памятка «Как надо работать»

Чайник вскипел. Пьют черный кофе с шоколадом.

Ева Ружичкова держит чашку двумя руками, греет руки о чашку.

«Тебе что, грустно, Ева?» — «Нет, я думаю», — говорит Ева Ружичкова со вздохом, по-детски. «Ну, думай, думай». Но через минуту доктор Дроздова, маленькая энергичная женщина с острым лицом, которого почти не видно из-под ее пышных золотых волос, спрашивает: «О чем же ты думаешь, Ева?» — «О глазном дне». — «О господи!» Две маленькие женщины, доктор Дроздова и доктор Ружичкова, смеются. «Я могу показать тебе твое глазное дно!» — говорит Андрей Большунов. «Как? Как?» — «Допьем кофе, потом». — «Ева, Прага — красивый город?» — «Очень, очень. Много достопримечательностей. Очень старый город. Есть улицы узкие, здания старые. Кабачков много, не то что у вас. Но у вас игрушки зато очень красивые. Я уже четыре раза в «Детском мире» была, столько всего купила». — «Это же ужас, «Детский мир»! Туда зайти нельзя!» — «Нет, мне там очень понравилось. У нас города маленькие, нигде такого нет, чтобы в одном месте столько игрушек сразу».

Памятка «Как надо работать» отпечатана на ротапринте. Это копия памятки, которая была вывешена в приемной В. И. Ленина в Совнаркоме. Памятка висит над рабочим столом Андрея Большунова.

Прежде чем браться за работу, надо всю ее продумать; продумать так, чтобы в голове окончательно сложилась модель готовой работы и весь порядок трудовых приемов. Если все до конца продумать нельзя, то продумать главные вехи, а первые части работы продумать досконально.

Люди, которые постоянно отрываются от работы и ищут инструменты, постепенно становятся паническими людьми.

Во время самой работы не надо кушать, не пить чай, пить в крайнем случае только для утоления жажды, не надо и курить, лучше курить в рабочие перерывы, чем во время самой работы.

В случае полной неудачи надо легко смотреть на дело, не расстраиваться, начинать снова работу как будто в первый раз...

В ы д е р ж к а в работе — самое главное.

Мы грешим тем, что в одно и то же время беремся за тысячу разных дел, но ни одного дела не окончим и ни одного как следует не исполним. Правило такое: долбить в одно и то же место твердо, постоянно, не отрываясь, до полной победы.

Настоящий гордый рабочий должен быть обязательно сдержанным. А у нас нередко маленький успех выносится тут же на улицу, об этом начинают писать и стрекотать, и через неделю уже все заглохло. Итак, выдержка во всем, и в том числе в успехе!

15.30. Сестра приводит женщину в розовом больничном халате, с марлевой занавеской на правом глазу. Женщина поднимает занавеску, Большунов и Ружичкова смотрят в окуляры. У Большунова напряженное, прицеливающееся, почти жестокое лицо; у Евы Ружичковой лицо нежное и чутко-внимательное. У них одинаковые, очень уверенные руки: белые, с сильными пальцами, с коротко подстриженными ногтями.

В глаз женщине светит лампочка, спрятанная внутри лазера. Лицо женщины в тени, освещен только глаз. Кожа на лице туго натянута. Кажется, что глазница подсвечена изнутри головы, что лампочка вставлена в череп. Глаза женщины увеличены оптикой в сорок раз: будто уронили яйцо на пол, и желток растекся.

— Будем делать, Ева? — спрашивает Большунов.

Большунов двигает на миллиметр ручку наведения, нажимает педаль, на растекшемся желтке вспыхивает продольный зеленый.

— Видишь, если точно, то сразу видно, — говорит Большунов, не отрываясь от окуляров. — А если так выстрелишь...

— Не в сосуд.

— Трудненько каждый раз так наводить. Чуть двинул глазом. А когда точно попадешь, сосуд сразу черный.

— А я это чувствую, — вмешивается больная. — Как иглой.

— Вы не можете этого чувствовать.

— Что я, придумываю?

— Спокойненько. Не разговаривайте. Сейчас. Сейчас. Сейчас. Еще минуту. Не бегайте глазом. — Большунов поворачивает колесико увеличения, и на желтой, слепящей, глубокой, вздымающейся вспыхивают острые, зеленого электрического цвета огни. Вздымающаяся желтая масса и зеленые огни явно живые, явно противоборствующие, но смысл противоборства неясен, чужд, и кажется, что смотришь через окуляр в другую планетную систему, на другой конец космоса, но стоит протянуть руку, и ты можешь потрогать этот другой конец космоса: это больной глаз женщины сорока двух лет.

16.00. Больные заходят все реже, рабочий день идет к концу. Большунов показывает Еве Ружичковой ее глазное дно. Он нажимает стержнем с лампочкой на конце на глазное яблоко. Глазное яблоко под веком становится красным. «Глазное дно! — шепчет Ева Ружичкова. — Да, да, я вижу свое глазное дно». Она со страхом смотрит на Большунова. «Как треснувший лед или как сухая земля, да, Ева?» — «Да, да, но как это может быть? Я вижу сосуды, свои сосуды!»

Действительно странно: каким образом можно увидеть то, что находится внутри твоей собственной головы?

16.30. Больных больше нет. Рабочий день начинается в девять утра и длится до тех пор, пока есть больные. Врачи одеваются и расходятся. Ева Ружичкова снимает халат, надевает свое модное европейское пальто, в котором она мерзнет, гуляя вечером по Москве. Без халата она выглядит обычней, похожей на всех, будто с халатом оставила тут самую главную и оригинальную часть себя.

Андрей Большунов вручает Еве Ружичковой тоненькую белую книжечку. Это автореферат его диссертации. Диссертация называется «Лечение герпетического кератита лазером». И от этого серьезного научного названия еще более по-человечески, с неуклюжей искренностью звучит дарственная надпись: «Коллеге и другу от собрата по оружию». Ева Ружичкова листает реферат, говорит: «Как хорошо написано действительно. Спасибо, Андрей».

Андрей Большунов написал диссертацию преимущественно на кухне и по ночам, пятнадцать сигарет и пять чашек крепкого чая за ночь. Он защитил диссертацию в двадцать шесть лет. Он не стал актером, но творческое понимание мира осталось в нем, и книги Гамсуна и Шекспира дают ему уверенность, которой он излечивает больных. Ведь никакое техническое приспособление не способно излечивать, и медицина не может сотворить чудо и спасти человека от него самого, потому что медицина — фрагмент жизни, часть жизни. Лечит не лазер, а человек — и лечит тем успешнее, чем более способен к состраданию.

А. Б.: Конечно, в чисто эмоциональном плане мне льстит, что люди, которые старше меня, которые опытнее меня как офтальмологи, приезжают и советуются со мной, расспрашивают меня, и многого не знают из того, что знаю я, и потом, уезжая, благодарят, и потом мы вдруг получаем от них какие-то весточки. Недавно проходил симпозиум в Институте Гельмгольца, и выступал доктор из Югославии, который вдвое старше меня, и рассказывал, что он у нас был на стажировке, очень многому научился, и по нашей методике проделал столько-то манипуляций лазером. Это приятно, и это в то же время накладывает ответственность, потому что, когда приезжает человек, мы не отделываемся от него тем, что даем почитать статейку или журнальчик; мы учим всему, что знаем сами. И не потому, что, как это обычно бывает, когда приезжают иностранцы, начинается демонстрация: а вот мы, русские, мы гостеприимны, пожалуйста, душа нараспашку, хлеб-соль, бери, последнее отдаю. Нет. Просто видишь, что человек интересуется, и тогда к нему появляется доброжелательность. Вот, например, с доктором Евой именно так. Она очень приятный практикант. Может, потому, что первый раз такой молодой практикант приехал. Обычно к нам приезжают люди в возрасте. В возрасте для меня — это уже сорок лет. Я знаю, что Ева там, у себя, оперирует, но я ее не видел в работе и не могу судить, какой она хирург, я только могу судить о том, что знает, и в смысле знания теории она очень эрудированный врач.

Е. Р.: Это так бывает: войдешь в комнату, увидишь незнакомого человека и сразу знаешь, что тебе с ним будет просто, спокойно. Без всякого знакомства все о нем знаешь, а он — о тебе. Так с Андреем Большуновым — не надо находить общий язык, объяснять, говорить — можно просто работать. Он очень умелый врач, но учусь я у него большему, чем лазерным операциям, чем технологии. У врача, инженера, журналиста разные технологии, но у них, если они работают по-настоящему, всегда возникнет общий вопрос: как лучше делать дело? Вот этому я тоже учусь у Андрея: умению делать дело. У него над столом висит памятка, которая висела в Совнаркоме. Я копию такой памятки возьму с собой. Это так же важно, как автореферат, который мне подарил Андрей, как несколько книг по микрохирургии, постоянно нужных в нашей работе.

20.00. Гардероб на первом этаже пуст. Его запирают на замок. Коридоры, весь день полные больных, пусты. Сестры на этажах разносят по палатам лекарства. Зрячие больные читают, незрячие слушают радио. Радио передает песни народов мира. В больнице остались только дежурные врачи и ночные сестры. Пауза до утра.

Уже четвертую осень подряд в Польской Народной Республике собирается Международная творческая лаборатория по пантомиме. Организаторы этого замечательного дела — Вроцлавский театр пантомимы «Гест» во главе с его руководителем Анджеем Лепарским, Социалистический союз польских студентов, Министерство культуры Польши.

На этот раз первая часть встречи проходила в старом уединенном замке в горах, в маленьком местечке Кавяры близ города Еленя-Гура. Собралось около шестидесяти человек — мимы и режиссеры, педагоги и студенты из многих стран Европы, а также из США.

Здесь были даже... не мимы. Арнальдо Пикки, преподающий на факультете музыки и драмы Болонского университета, привез на занятия лаборатории свою группу — профессиональный драматический театр «Иль группо либеро», удостоенный приза на фестивале искусств газеты итальянских коммунистов «Унита».

Пикки и его театр используют в своих спектаклях острые пластические решения — и актерам оказалась необходимой пантомима.

Тринадцать дней мы жили в старом замке, не вылезая из трико и тренировочных костюмов, — и я старался записывать все.

На основе моих записей родился этот

БЕСПОРЯДОЧНЫЙ ДНЕВНИК, ИЗЛОЖЕННЫЙ ПО ПОРЯДКУ

Кавяры, 20 сентября 1977 года, 7 часов 50 минут утра.

По крутым ступеням деревянной винтовой лестницы съезжал вниз большой растрепанный чемодан, доверху наполненный старыми, видавшими виды музыкальными инструментами.

Разноголосо громыхая, то и дело с тупым стуком натыкаясь на перила, он упрямо стремился вниз, завоевывая все новые и новые повороты, пока наконец не успокоился на нижней площадке, замерев в неудобной позе около подвернувшейся стены.

Толстая деревянная дудка, бронзовая тарелка, во времена оны долгий век служившая в джаз-банде, и упругая колотушка, вывалившиеся по дороге из чемодана, еще долго и шумно скандалили, догоняя его и друг друга, то нехотя сползая, то прыгая сразу через несколько ступеней. Последней отгромыхала далеко закатившаяся тарелка. Она хлопотливо вертелась по паркету, ворчливо устраивалась и наконец затихла.

Мариуш Гавриш, студент Вроцлавского политехнического, столкнувший чемодан с лестницы, удовлетворенно, с сознанием исполненного долга кивнул головой и пошел умываться. А из всех комнат все громче и громче стал раздаваться гул голосов.

День начался.

8 часов 30 минут.

В столовой полусонная тишина, нарушаемая лишь звяканьем вилок о тарелки и ровным голосом Анджея Лепарского, который сообщает информацию на день.

Анджей — опытный и дальновидный организатор. Он прекрасно понимает, как использовать эти считанные минуты общего молчания. Он знает, что через пять-семь минут, когда дело дойдет до кофе и все окончательно проснутся, будет поздно: вспыхнет очередная импровизированная пантомима, а это дело шумное. Мобилизуя всеобщее внимание внезапными провокационными бросками с английского языка на испанский, с испанского — на польский, с польского — на общепонятный выразительный жест, он излагает свои предложения на сегодня.

— Сегодня могут вести занятия Анни Стайнер (Англия) в верхнем зале, а в спортзале — Лепарский.

При этом известии поляки, хорошо знающие солидную акробатическую нагрузку, которую Анджей любит задавать на своих уроках, дружно просят у официанток добавку.

— Сегодня в городе показывают спектакли Десмонд Джонс и Джастин Кейс (Англия). Кто едет смотреть?

— Все едем!

— Тогда американцы Леонард Питт и Джордж Коутс показывают спектакль в нашем фойе после возвращения. Соединенные Штаты, не возражаете?

— О'кэй!

— В воскресенье все едем в Еленю-Гуру. На центральной площади, где будет традиционная ярмарка старинных вещей, устроим шествие и импровизацию с публикой. У кого есть идеи — собираемся сегодня. Руководит Мэтт Миттлер. Не возражаешь, Мэтт?

— Бардзо добже! Мне нужны вся польская и вся испанская группы.

Когда все выходят из столовой, у кого-то из испанских ребят возникает мысль разыграть на городской площади корриду. Сразу же, в ту же секунду, все начинают надвигаться на Миттлера, не сговариваясь предназначив ему роль быка. Миниатюрная испанка Марта Передо элегантными маневрами гонит свою жертву вверх по лестнице и уже наверху, в репетиционном зале, в завершающей смертельной эскападе выбрасывает, как жало шпаги, беспощадную руку. Сраженный Мэтт с благодарностью эту руку целует, закатывает глаза и, демонстрируя неплохую технику, мягко и бесшумно, как тряпка, валится на пол.

9 часов 10 минут.

Никто как-то и не заметил, как начала урок Анни Стайнер. Она просто начала двигаться, и от нее, как круги по воде, побежали волны повторений.

Повторить Анни нелегко — в мгновение ока ее ноги, только что расслабленно лежавшие на полу, взмывают вверх, и все тело, балансирующее на плечах и затылке, замирает в вертикали. А еще через миг, стремительно развернувшись, как пружина, и едва тронув ступней паркет, она уже летит вперед в балетном прыжке,

растянув ноги параллельно полу.

И вот уже позвякивают, откликаясь на общие прыжки, хрустальные подвески старинных люстр, а Анни в это время страхует кого-то в одном углу, подправляет кого-то в другом, подбадривает неудачников в третьем и показывает новое на середине. Когда она перемещается — не замечает никто. Просто внезапно появляется ее чуть смущенная и чуть грустная улыбка. Без лишних слов показываются одно-два движения, именно те, которые должны помочь, и снова она исчезает, чтобы появиться где-нибудь еще...

Точно так же, как бы случайно, ненароком, появится она на сцене в своем спектакле «Луна» — просто забредет к нам, зрителям, по дороге, а дорога эта — вечная, и ведет ее жажда Любви и человеческого Тепла в безбрежной пустыне Одиночества. Аляповатая, клоунски неловкая фигура в длинном пальто с чужого плеча, с чемоданчиком в руках, она зайдет к нам ненадолго, чтобы вглядеться в нас со своей смущенной и чуть грустной улыбкой...

Среди других миниатюр этого прекрасного спектакля возникает сцена с воображаемым Героем — неуклюжей тряпичной куклой ростом на голову выше Анни. Несколько сшитых мешков, набитых ветошью, и пара налепленных выпученных пятен — глаз, — вот и вся кукла, в мечтах Анни становящаяся героем ее грез. Она чудесным образом оживает и преображается в ее руках. Ведомая в эксцентрическом танце, она становится одушевленной и пластичной. Анни настолько точно и технически безупречно руководит своим Героем, что ни у кого не возникает сомнения — это он, Герой, садится на стул и сажает Анни к себе на колени. Это он пылко целует ее руку и романтически запрокидывает голову.

А она...

Она пытливо вглядывается в выпученные кукольные глаза: «Может быть, любит?.. Может быть, вот он — долгожданный конец пути через одиночество?..»

Но рассеивается как дым мечта, но возвращается реальность, пылкий Ромео оказывается мешком, набитым ветошью, и вновь продолжается все та же, исполненная грусти дорога.

— Анни, вы одиноки? — спрашиваю ее после спектакля.

— О нет! У меня есть Редж, прелестный малыш и пантомима.

— Но по степени искренности это была ваша личная, глубоко личная исповедь.

— Это моя тема, но не моя судьба. Я просто хочу напомнить людям цену счастья, а счастье в том, что ты не одинок...

Я рассказываю Анни о знаменитом советском миме Аиде Черновой, о ее теме — женщины в этом мире, о том, как их удивительно роднит полнота духовного самовыявления, которая мгновенно пленяет зрителя и делает его другом. И о том, какие разные судьбы служат им материалом. Лирический, интимный диалог со зрителем героини Анни Стайнер и трагический выплеск Жанны д'Арк и Эдит Пиаф, героинь двух пантомим Аиды Черновой, — как же по-разному напоминают они зрителям цену счастья...

Спектакль «Луна» среди других работ Анни Стайнер и ее партнера и мужа Реджа Болтона мы увидели позже.

А сейчас Анни, как фантастический миксер, раскручивает и перемешивает всю интернациональную братию в очередном упражнении своего урока.

11 часов 15 минут.

Анджей Лепарский, ведущий занятия, откровенно недоволен.

— Что значит «не могу»? Ты мим и клоун, значит, должен мочь все!

Высказывая свои претензии англичанину Джастину Кейсу, Анджей прочно стоял на двух ногах. Защищая себя, Кейс пылко отвечал ему, балансируя при этом в стойке на голове. Разница положений в пространстве, помноженная на разницу в оценке возможностей человеческих, придавала этому краткому, но энергичному спору особый накал.

Первым не выдержал Анджей: он встал на голову и сам сделал то, что предлагал Джастину, — прямо с головы — на «мостик».

— Он варвар! Изверг! — пожаловался мне Кейс, когда поднялся на ноги, а я еще стоял рядом на голове.

Урок тренинга у Анджея и впрямь бывает жестким, но и в такой же степени бескомпромиссным и точным. Лепарский не выпустит из рук, не добившись результата. А результат — уровень, которого достигли лучшие актеры его театра «Гест», — не может не восхищать.

«Гест» показывает свой спектакль «Псы», за который Лепарский был удостоен специальной премии на XI фестивале «Театральные встречи» в Лодзи. Притча о фашистских механизмах, которые могут превратить мир в псарню, а людей в псов, — этот спектакль несет ту же явную печать жесткости и точности

решений. Одна из центральных фигур этого феерического и местами жуткого действа — шут с длинным, щелкающим, как будто лающим, бичом, единственный, кого, огрызаясь, слушаются раскаленные от ярости псы. Эту роль мастерски ведет застенчивый, в жизни скупой на движения и слова, удивительно мягкий Артур Бабяж. Он преображается полностью — буквально всю сценическую площадку заполняет летающая, бегающая, ползающая фигура шута — умного, перенасыщенного желчью, всемогущего.

13 часов.

Целая группа дружно решила, что, поскольку идти на обед нет сил, лучше передвигаться в столовую кувырками, а в конце пути устроить соревнование: кто успешнее сядет на стул прямо с последнего кувырка. Приз — добавка компота.

Места в таблице распределились следующим образом:

I место и чайник компота — польская группа (все с первой попытки).

II место и чашка компота — Мэтт Миттлер, США (со второй попытки).

III место и блюдце компота — Леонардо Алулу, Аргентина. (Сел сразу, но демобилизовался и упал со стула.)

Все равно больше всех компота досталось Миттлеру. С одной стороны, проявили гостеприимство польские ребята, с другой стороны, безбрежное обаяние Мэтта парализовало официантку.

Странно, но после обеда расходились на ногах.

14 часов 15 минут.

Леонард Питт, мим и руководитель знаменитой в Америке школы пантомимы, вытащил во двор весь свой арсенал — целую коллекцию острохарактерных масок, с которыми он выступает. Теперь эти маски разошлись по рукам, из случайных пальто, накидок, курточек и просто кусков материи родились королевские одежды и живописные рубища — и началась репетиция парада персонажей для воскресенья, когда мы выйдем на улицы для всеобщего потешного зрелища.

Репетируется, впрочем, только гротесковый церемониал вы-

хода, потому что вслед за этим каждому предстоит полная импровизация в зависимости от обстоятельств. Какими они будут, эти обстоятельства, пока что не знает никто. Но сегодня я, конечно, могу вам рассказать, как все было в воскресенье. Мы нацепили на себя одежды и маски и высыпали на улицы Елени-Гуры. Центральная площадь прекрасного в своем старинном облике города переполнена. Самый многочисленный народ здесь — дети, и они сегодня счастливы. Умеющие играть люди наконец-то играют с ними серьезно, по-взрослому.

В тесно сплотившемся кружке зрителей — американка Джоун Мервин. Высоченная, стройная, красивая, в легком клоунском гриме и полосатом трико с нашитыми звонкими бубенчиками, она не боится работать на предельной яркости и сочности.

Переходя от одного взрослого к другому, она уморительно копирует их несколько ироничный, скептический взгляд и респектабельную осанку. Взрослые невольно отводят глаза, но Джоун продолжает настойчиво ловить их взгляд. Непонятно, откуда у нее оказываются шарики. Двигаясь поначалу в ритме бегающих глаз, они разлетаются все шире и шире — и начинаются жонглерские каскады с мелькающими в воздухе шариками-глазами, как будто это зрительские глаза разбегаются от обилия зрелищ. Взрослые оттаивают и начинают смеяться вместе с хохочущими детьми.

Редж Болтон, человек с формой тела, близкой к кубу, до отказа набитого мышцами, лежит на асфальте в одном ботинке, очень коротких брюках и во фраке на голое тело. Он лежит абсолютно неподвижно — только в разные стороны вращаются широко открытые глаза. Детвора облепила его со всех сторон, она рядом с ним, вокруг него, верхом на нем, пытается подлезть под него. Но Редж невозмутим и неподвижен.

Тогда ребятня устраивает настоящий штурм, приступ крепости, стремясь расшевелить эту кубическую глыбу — но все напрасно.

И вдруг...

Откуда она взялась, эта полнощекая серьезная девочка, какими сказками зачитывалась, каких заколдованных принцев мечтала расколдовать?

Серьезная полнощекая девочка протиснулась к лежащей неподвижно фигуре, сосредоточенно и торжественно наклонилась и... поцеловала клоуна.

Редж взвился и стал показывать чудеса пантомимической техники. Потом он сознался, что давно уже не работал с таким вдохновением.

22 часа.

В этом моноспектакле, поставленном Джорджем Коутсом, Леонард Питт работает по-другому, совсем с другими масками. Спектакль «2019 Блейк» — фантасмагория. В нем несколько новелл, каждая из которых начинается очень просто и обыденно, среди знакомых и будничных вещей — газет, чулок, шляп, очков, с самых простых и ничего особенно не значащих реплик в зал и самому себе. Каждый раз логика действий приходит к алогизму, к бредовому кошмару, когда шляпа надевается не на голову, а на лицо и превращается в маску — своеобразную аллегорию тупой одеревенелости. Чулки надеваются на руки, а скомканные газеты, в которых только что жадно искали крохи правды, превращаются в затыкающий рот кляп, еще более усиливая аллегорию обывательской тупости.

Каждый раз это немое действо сопровождается набором странных — то смешных, то страшных — звуков фонограммы. То это некое мяуканье, то отголоски какого-то потустороннего эха, то скрежет чудовищных гусениц во время рождения на наших глазах слепого и яростного молоха агрессии — безглазой фигуры с мешком на голове и злобными черными очками...

И каждый раз в апогее разгула очередного аллегорического чудища Питт срывает эти ненавистные ему самому маски и серьезно, встревоженно всматривается в зал, в конкретные лица и конкретные глаза сидящих перед ним зрителей с немым и мучительно важным вопросом: «Ребята, куда идет наш мир? Что в нем творится? Что с этим делать?..»

03 часа 20 минут.

Рассветает, уже который час подряд идет «всенощная» — урок Мэтта Миттлера и его партнерши Леаноры Логан. Никто не проявляет никаких признаков усталости — наоборот, всеми овладел своеобразный спортивный азарт: «Ну что еще придумает этот неуемный псих?»

Фантазия и арсенал упражнений Мэтта безбрежны, а по неисчерпаемости энергии он типичный прыгающий ядерный реактор. Кто-то из нас подсчитал, что только прыжками каждый преодолел тогда не меньше километра.

Около полуночи устроили короткий отдых — выпили по стакану сока, побегали, поиграли в салочки и снова за дело.

Посреди зала горит одинокая свеча, все расселись вокруг нее, и начались упражнения на концентрацию внимания. Сосредоточение требуется наивысшее, предельный внутренний контроль, каждое, даже миллиметровое, движение ладони или локтя бросается в глаза и видится как на крупном плане в кино. Собирая ребят в нужные группы, неслышно помогает Мэтту Леанора. У всех еще в памяти проведенный ею урок джазового танца, когда ее тело, подобно бенгальскому огню, искрилось в синкопах негритянской танцевальной пластики. А сейчас она перемещается идеально тихо, невесомая и бестелесная, словно она не танцовщица и мим, а больничная сестра милосердия.

Меркнут блики одинокой свечи. Рассветает.

21 сентября, 05 часов 40 минут.

Мы сидим в маленьком холле, пьем крепчайший итальянский кофе с имеющим сенсационный успех московским зефиром, разговариваем.

Мы — это люди из разных краев Земли: американский мим и педагог Леонард Питт, режиссер Джордж Коутс, журналистка и педагог Аннет Ласт, итальянский режиссер Арнальдо Пикки, испанский студент аргентинец Леонардо Алулу, мим, режиссер и педагог из Советского Союза, пишущий эти строки.

Мы говорим о пантомиме — какой она предстала разноликой, когда мы собрались вместе.

Мы говорим обо всех нас, столь разных, но объединенных одним искусством.

Мы говорим о нашем искусстве — как много оно может сделать для того, чтобы люди лучше поняли друг друга...

И мы думаем о том, как мало, в сущности, нужно времени, чтобы между людьми, еще вчера ничего не знавшими друг о друге, возникло невидимое, но властное поле взаимного притяжения и горячая искра контакта, такая искра, чтобы всем нам, собравшимся из разных краев Земли, так не хотелось отделять друг друга стенами и дверьми старого уютного дома в горах гостеприимной Польши.

Но за окнами уже светлеет, и мимо нас расходятся по комнатам ребята.

Последним прошел Мариуш Гавриш. Он пронес старый, набитый инструментами чемодан и тщательно установил его на самом краю верхней ступеньки деревянной винтовой лестницы...

Илья РУТБЕРГ

Кавяры — Еленя-Гура — Вроцлав — Варшава — Москва

Фото автора

В ПУСТЫНЕ, В БАССЕЙНЕ...

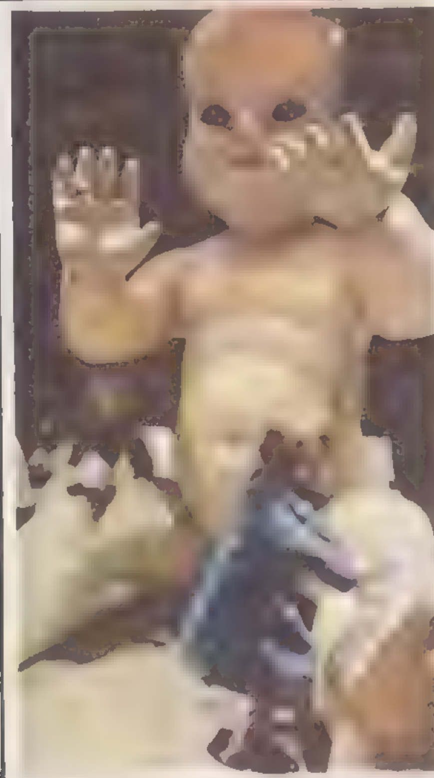
В Австралии 350 резерваций, где живут аборигены, но попасть в любую из них не просто. Не потому, что аборигены вытеснены в самые сухие и малопригодные для жилья места, а потому, что жизнь их там — все та же драма, длящаяся многие десятки лет, а «пейзаж после битвы» с европейской цивилизацией по-прежнему неимоверно грустен.

Гораздо легче попасть в какую-либо школу-интернат или даже колледж для аборигенов. И, конечно, не потому, что их много. Увы, наоборот — они едва лишь стали создаваться, и лишь первые поколения молодых аборигенов стали получать в них первые сведения о мире, времени, техническом могуществе человека (пули и порох не в счет — их аборигенам довелось узнать раньше). Некоторые даже узнали, что такое — много воды и что такое — плавать. Такого слова «плавать» не было ни в одном из трехсот языков аборигенов.

НОВОСТИ МУЗЫКИ. Несчетное количество раз бессмертные шедевры классической музыки вдохновляли поп- и рок-исполнителей, вливались в их музыку, рождали новые хорошие (а иногда и не очень) обработки и произведения. И вот — «мост» брошен с другой стороны...

...Этой пластинкой испытали утонченных знатоков музыки. С уверенностью они говорили: «Это Шопен, это Бетховен... Но что за произведения?..» И неожиданно обнаружили, что оказались жертвами доброй шутки. Просто профессор Антверпенской Королевской консерватории, композитор и пианист Франсуа Гюрио обработал и записал: «Вчера» — в духе Шопена, «Хей, Джуд» — Баха, «Элеонор Ригби» — Бартока, «Желтую субмарину» — в духе Бетховена.

НОВОСТИ ТЕХНИКИ. «Если у вас есть собственное озеро или любой другой водоем и вы хотите повеселить друзей, купите нашу акулу», — рекламирует продукцию своего предприятия «Игрушки для взрослых» англичанин Стефен Уинкворт. Акула длиной в полтора метра изготовлена из синтетического материала и начинена разнообразным электронным оборудованием, которое позволяет выполнять различные команды, подаваемые по радио: нырять, менять направление движения и даже выпрыгивать из воды. Цена развлечения? В США акула Уинкворта стоит 1000 долларов за штуку.



ГОРОД И МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Огромная, в два с лишним метра, кукла разлеглась на подиуме. Перед ее неподвижными глазами голубого стекла — широченный телевизионный экран, на котором сменяются виды тесного и шумного города. С каждого бока сидят, выставив руки, сестры-куклы, а по ним и возле них ползают дети, маленькие, словно это они игрушки, а не куклы. Вокруг подиума стоят телевизоры нормальных размеров, с которых беспрерывно вещают умные, педагоги, врачи, архитекторы, криминологи, политики. Вещают о ребенке, о том, что он делает, что должен делать, как должен делать и как делать не должен...

Таков был главный зал парижской выставки-конференции на тему «Ребенок и город». Чем стремительнее растут города, тем больше в них детей (никогда их прежде не было столько в одном месте) и тем меньше видны они в них. Город много говорит о них, но методически вытесняет с немногочисленных газонов — частных владений — на свалки и пустыри, не нужные взрослому городу. Не шуметь! не носиться! не болтаться под ногами! не мешать городу-гиганту рычать автомобилями, отгораживать от мира лучшие свои участки.

Когда-то улица была сценой и театром детства. Но, похоже, литературным памятником становится роскошная фраза Гавроша:

— Пошли на улицу!

«ЦЕЗАРЬ» РОШФОРА

Высшую кинонаграду Франции получил в этом году Жан Рошфор, известный нашим зрителям по многим фильмам.

— А знаете ли вы, что, если бы не Москва, ничего бы не было? — сказал Рошфор. — В Москве я взял свой первый барьер: снялся в первом фильме «20 тысяч лье под землей». В Москве я познакомился со своей будущей женой — туристкой из Польши. С тех пор — вот уже 20 лет — наша троица: кино, моя жена Александра и я — неразлучны, хотя на нашем пути было немало барьеров... И «Цезаря» мне дали, я уверен, за постоянство в любви.

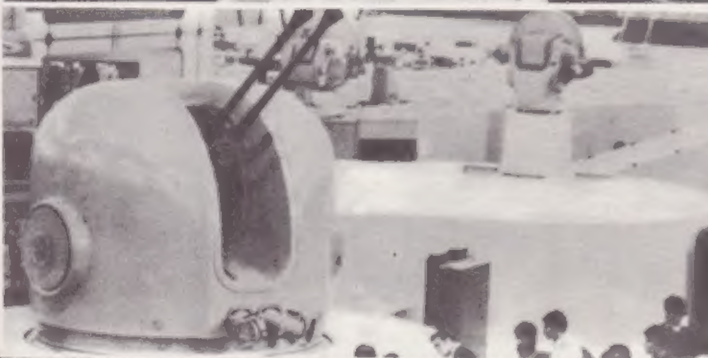
«ЛУЧШИЙ ВРУН ГОЛЛИВУДА»

Напомним вам таблицу рекордов: рекорд кассовых сборов Голливуда держал еще с предвоенных лет фильм «Унесенные ветром», и пал он лишь в 1974 году, когда вышел фильм «Челюсти». Следующий рекордсмен — «Звездные войны», 1977 год, затем — «Контакт: ступень третья», 1978 год — его снял режиссер Стивен Шпильберг (он же автор «Челюстей»).

— Чепуха, конечно, все эти рекорды, — говорит Шпильберг, — но почему все-таки был такой временной разрыв? Я думаю, кино, совершив за это время колоссальный качественный скачок, позабыло об одном умении: рассказывать истории. Какими бы взрослыми мы ни были, в нас всегда живет детская любовь к слову «однажды» — с него и начинались все эти «рекордсмены». «Контакт: ступень третья» — это о «тарелочках», об НЛО. Я их сам не видел, да и не верю в них, но это прекрасный повод для «однажды».

Меня сейчас называют «лучшим вруном Голливуда», а знаете, как это началось? Однажды меня должны были призвать на войну — во Вьетнам. Честно говоря, мужества на прямой отказ мне не хватило, и я решил разыграть сумасшедшего. Полгода, раз в неделю, я являлся на прием к психиатру и рассказывал ему разные байки: быстро-быстро, без остановки, главное — не дать себя сбить. Психиатр посасывал трубку, мрачно смотрел на меня, но вот я начал замечать, что психиатр стал трубку откладывать, смотреть заинтересованно и даже кивать головой — значит, хорошие истории были? От Вьетнама он меня освободил, а эти истории я теперь в фильмах использую — у меня за полгода обследования уйма «рекордсменов» накопилась.

Ну что, хорошая история? Видите, в ней конца нет — а это главное требование к хорошей истории: чтобы у нее ни середины, ни конца не было, а на каждом шагу — только начало.



ПОКА — ЖИВУ...

Осенью 1976 года Италия, пятый мировой поставщик оружия (40 процентов выпускаемого ею оружия по государственным и частным каналам продается за границу), устроила в Генуе выставку. 65 делегаций целую неделю бродили среди ее стендов, изучая убойные характеристики новейших видов оружия. В какой стране теперь вспыхнет пламя войны?..

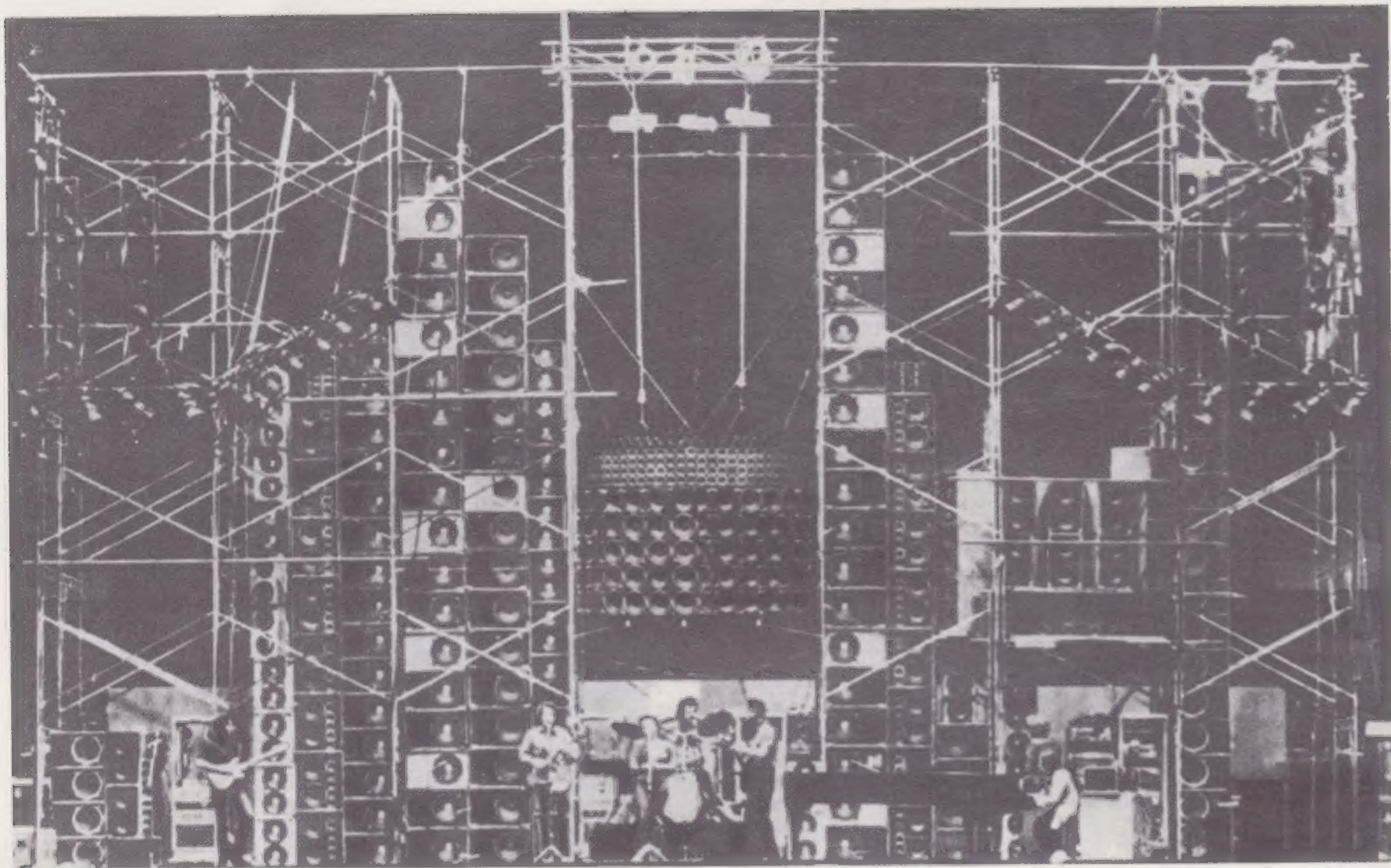
На ежегодной ярмарке в Лютиге (Швейцария) бойко торгует базар оружия. Покупатели — солидные хозяева ювелирных и прочих лавок, обеспокоенные частыми нападениями бандитов, и мускулистые бандиты, обеспокоенные повышающейся обороноспособностью хозяев лавок. Оружие в Лютиге продают, не спрашивая никаких документов, как семечки. Какой западноевропейский город заговорит скоро о вооруженном бандитизме?...

Альберто Сорди, известный комический артист, столь любящий изображать популярные типажи, сыграл новую роль. Роль торговца оружием в фильме «Пока война, надеюсь». Нельзя сказать, что фильм получился безнадежно смешным.

ТАНДЕМ:

БЕЛЬДА — БРЕМ

Жаннет Бельден Бельда, американка, живущая в Париже, фотограф, выпустила фотоальбом «Дорогие друзья», две работы из которого вы видите. Подписи под фотографиями взяты из Брема: «Журавль ведет пунктуальную жизнь. С восходом он уходит в степь и ищет там корм. Затем он идет на речную отмель, пьет, чистит перья. После обеда совершает прогулку. С детьми журавль заботлив и нежен. Он в ярости нападает на любого, кто приблизится к гнезду». «Лев — король разбойников, властитель в царстве зверей...» и так далее. Брем описывал характеры зверей, но, уверена Жаннет Бельда, каждый зверь несет в себе частицу человеческого. А люди только с виду так умны, благообразны и скучны. В душе все мы — веселые индюшки, храбрые львы и ласковые кошки.



«ПОКА НЕ ОТВАЛЯТСЯ УШИ...»

...Совершая седьмой круг, они по данному сигналу так громко и дружно закричали, что стены затряслись до основания и разрушились.
(Из предания о том, как пал Иерихон, в пересказе Зенона Косидовского, «Библейские сказания». М., Политиздат, 1969)

Дело было в Венеции. Поль Маккартни и его ансамбль «Уингз» давали концерт на площади Святого Марка — сбор от него шел в фонд спасения города. Но сила звука была настолько велика, что неподалеку от площади несколько брусков мостовой рухнули в канал.

Об этом случае писал английский журнал «Нью Мьюзикл Экспресс». И еще один случай, его поведал западногерманский журнал «Штерн».

Франкфурт, зал ярмарки, девять часов вечера. На сцене — ансамбль «Пинк Флойд». Аплодисменты, выкрики, вспышки фотоаппаратов, грохот. Распорядителя зала Вернера Хибера не терзают дурные предчувствия — концерт идет как надо. Три часа назад, когда на сцене устанавливали аппаратуру, он случайно забыл термос с кофе на усилителе для баса. Сейчас «Пинк Флойд» играет свою знаменитую вещь «Свиньи». Играет под записанный на пленке шумовой фон — хрюканье свиньи. В момент кульминации термос валится с усилителя — «пример невидимой силы звука», пишет корреспондент «Штерна».

Ну вот, дорогой читатель, вы, наверное, уже догадались, о чем речь идет. О децибелах. Мы уже неоднократно писали о том, какой сильной нагрузке подвергается слуховой аппарат посетителей концертов рок-музыки (см. «Ровесник» №7, 1976, №4, 1978). На этот раз разговор пойдет об ушах тех, кто децибелы создает. Разговор, основанный на фактах, взятых из зарубежной печати.

Организация по охране труда ФРГ, изучив положение музыкантов, пришла к следующему выводу: «Установлено, что слуховой аппарат музыкантов из симфонических и джазовых оркестров не подвергается никакой опасности. Для тех же, кто играет в рок-ансамблях, существует реальная опасность повреждения слуха». Редакция «Штерна» решила проверить это утверждение.

Сначала корреспонденты выехали в Дармштадт — там выступает известная группа «Рэнди Пай». Первая песня — «Я ездок с большой дороги». Вдруг гитарист Франк Диц резко дергает головой: вступил солист Пит Френч — на высокой и сильной ноте. 122 децибела. Этот резкий рывок головой — не простое движение, это реакция на боль. Диц стоит в правом углу сцены. В двух метрах от него нагромождены друг на друга усилители. Прямо в его правое ухо неустанно долбят бас-гитара и высокий голос Френча. На следующее утро после концерта Франк Диц проходит медицинскую проверку.

Он сидит в звуконепроницаемой кабине, а врач через наушники передает ему звуки различной частоты. Внезапно врач не выдерживает, врывается в кабину: «Но должны же вы были хоть что-то услышать!» Диц опускает голову: «Нет». Заключение врача: «Диц совершенно не воспринимает две частоты — 500 и 5 тысяч герц (500 герц — бас-гитара, 5 тысяч герц соответствуют примерно свистку судьи на спортивных состязаниях). Частоту в 500 герц не воспринимает только правое ухо — явление необычное». У Дица это профессиональная глухота. Причина: постоянное место на сцене, усилитель бас-гитары стоит справа.

Франку Дицу 26 лет. Он играет в ансамбле всего шесть лет, а ухудшение слуха уже значительное. Врач говорит корреспонденту: «Восстановить слух невозможно». Музыка — профессия Дица, его хлеб. На плечах семья: жена и ребенок. Диц: «Что поделаешь, теперь придется играть в специальных наушниках».

Следующим — для сравнения — проверку «Штерна» проходит Макс Грегер из Мюнхенского симфонического

оркестра. Ему пятьдесят один год, в оркестре играет уже двадцать лет. Он волнуется — понятно, что могут значить для него результаты обследования. Корреспонденту «Штерна» он признается, что вот уже несколько лет включает телевизор куда громче, чем все остальные члены семьи. Он придумал шуточное объяснение на случай, если обнаружится глухота: «Еще бы, когда вступают трубачи, кто не оглохнет?» Через пару минут лицо его становится серьезным и несчастным — он входит в кабину для проверки. «Уф!» — облегченно вздыхает он, выходя, и мир вновь становится светлым: у него обнаружили лишь незначительную возрастную потерю слуха — невосприимчивость к высоким частотам.

Бон Скотт — солист австралийской группы АС/ДС, группа играет хард-рок. АС/ДС сидят в раздевалке, ждут своего выхода. На сцене зала гамбургской ярмарки играет сейчас «предваряющая» группа — ее выпускают для разминки. Скотт закатывает глаза: «Чужой грохот действует мне на нервы. С меня хватит своего собственного». Корреспондент «Штерна»: «Что правда — то правда: когда он берет первый аккорд, стрелка прибора для измерения звука начинает метаться как бешеная». На одном из усилителей написан девиз Скотта: «Звук — моя жизнь».

Неудивительно, что медицинская проверка приносит катастрофические результаты: «У Скотта сильное повреждение слухового аппарата. Если он будет продолжать в том же духе, то лет через пять оглохнет окончательно».

«Штерн» подключил к обследованию Лондонский отологический центр — центр проводил испытания среди диск-жокеев. Испытания показали, что восемьдесят процентов всех обследованных страдают той или иной степенью глухоты.

Дэвид Роуз из Бирмингема: «Снизить громкость? Да вы с ума сошли! Ребята хотят, чтобы звук пробирал их до костей! А не будет этого — пойдут в другую дискотеку». Проверкой установлено, что уровень громкости в дискотеке Роуза практически никогда не бывает ниже 115 децибелов — если находиться под таким «звуковым ударом» в течение восьми минут в день, через полгода повреждения слуха будут необратимы. А Дэвид Роуз работает диск-жокеем уже три года, в среднем по четыре часа в день.

Вот еще сообщения из Лондона (их опубликовал «Нью Мьюзикл Экспресс»): Феликс Паппаларди из группы «Маунтин» после восьми лет занятий рок-музыкой совсем утратил слух. Алексис Корнер — «отец английского ритм-энд-блюза» — в прошлом году был вынужден уйти со сцены. Причина: оглох на правое ухо.

По просьбе «Штерна» в Лондоне обследовали музыкантов из «Грейтфул Дэд» (именно их вы видите на снимке — если, конечно, разглядите в нагромождении аппаратуры): у всех пониженный слух. И «Грейтфул Дэд», и «Маунтин», и Корнер — все они безудержно пользовались электроникой. А вот обследование Лео Коттке — почитатели зовут его «чемпионом мира по игре на 12-струнной акустической гитаре» — показало, что слух у него в полном порядке.

Что же заставляет рок-музыкантов рисковать собой? Рок-н-ролл — музыка «громкая», об этом уже неоднократно говорилось, и вряд ли стоит повторяться[1]. И вот представьте себе: динамики, стоящие в зале, работают на полную мощность, музыкант же должен контролировать не только общее звучание пьесы, но и свое собственное. В рок-ансамблях, как известно, нет дирижера, который в симфонических оркестрах помогает исполнителям вести свои партии. Таким «дирижером» для рок-музыканта является усилитель

---

[1] *Об этом, кстати, «Ровесник» писал в статье «Психологические тайны рок-н-ролла» в № 4 за 1975 год. — Примеч. ред.*

его собственного инструмента, и случается так, что музыкант, чтобы слышать себя, вынужден включать свой собственный динамик погромче. Стоящий рядом исполнитель из-за этого уже не слышит свой инструмент, и сам вынужден играть громче, повышается общий уровень громкости, как следствие, приходится включать свой динамик еще громче, и так — бесконечно. (Не случайно самыми пострадавшими оказались музыканты, игравшие хард-рок. К счастью, хард-рок становится все менее популярным.)

А в то время когда музыканты, развлекая, оглушают своих слушателей и себя при помощи электронных чудес, серьезные фирмы работают над тем, как бы сделать эти чудеса еще фантастичнее, что само по себе, конечно, совсем не плохо. «Музыка — дело субъективное. Здесь нет верного пути. Есть только ваш собственный путь», — заявляет фирма «Санн» в рекламе новой звуковой системы, опубликованной в американском журнале «Крим». Заявление вполне резонное, если бы оно так «не попахивало денежками» (как комментирует рекламу тот же «Крим»). Аппаратура — вещь дорогостоящая и потому престижная, и получается, что чем лучше, новее, и, следовательно, дороже у тебя аппаратура, тем вроде бы успешнее идут у тебя дела; хорошая аппаратура — признак солидности, и разговаривают с владельцами хорошей аппаратуры владельцы концертных залов посерьезней. А на конвертах пластинок в качестве авторов перечисляются не только супермузыканты, но и суперсинтезаторы, суперревербираторы, супербогзнаетчто: микрофон — герой нашего времени. Да только все это, как сказал лидер распавшегося в 1974 году ансамбля «Кинг Кримсон» Роберт Фрипп, «ничего не стоит в плане собственно музыки». Задник, на фоне которого выступают «Грейтфул Дэд», — вовсе не декорация, хотя и выглядит весьма декоративно. Эта фотография — реклама новой электронной системы, «беспредельно улучшающей качество звучания». О том, снимает ли эта система опасность звукового отравления, — ни слова. (Кстати, группы «Новой волны»[1] играют потише своих предшественников — «но, похоже, из-за того, что у них пока нет денег на электронное великолепие. Дай бог, чтобы их отвращение к ценностям предыдущих поколений распространилось и на электронные игрушки», — пишет «Нью Мьюзикл Экспресс».)

Так что же — ждать, пока стены концертных залов рухнут, как рухнули в свое время крепостные стены Иерихона? Апокалиптическое видение — недаром одной из любимых тем рок-музыкантов были предсказания конца света...

И вновь цитируем «Штерн»: «Проверку проходит известный музыкант Удо Линденберг. Он сидит в испытательной кабине гамбургской клиники. Каждый раз, когда он слышит звук, он должен подать знак. Он говорит: «Я лучше буду стучать по подлокотнику, отбивать ритм». Результаты: «Пока повреждения небольшие, но есть тенденция к ухудшению».

Удо храбрится. Удо уходит, напевая свою знаменитую песенку «Элия Пирелли»:

Раньше музыканты
Врубали свои усилители
На полную мощность
И играли все громче и громче,
Пока не отвалятся уши.
И вот наступило время,
Когда мы все остались без ушей.

О. ШЕВЧЕНКО
(По материалам зарубежной печати)

---

[1] *«Новая волна» рок-н-ролла — это панки. О них мы писали в № 2 за 1978 год, есть материал и в этом номере — см. стр. 13. — Примеч. ред.*

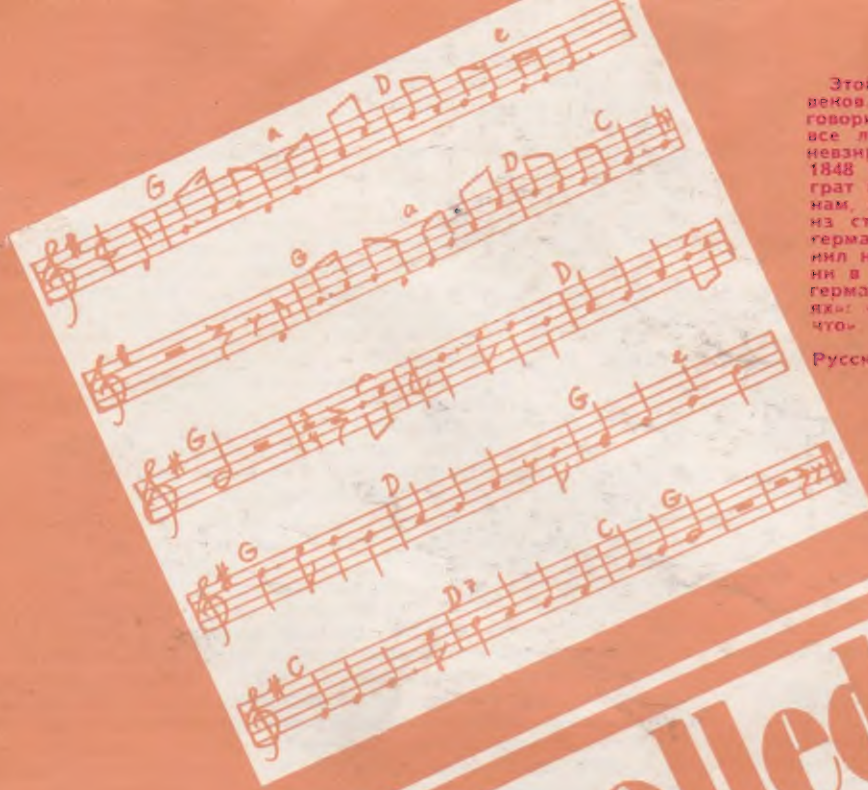
Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, Ю. А. ГОРЯЧЕВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (ответственный секретарь), Б. А. СЕНЬКИН

Художественный редактор О. С. Александрова
Оформление М. М. Ракитнина
Технический редактор В. Н. Савельева

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 12/IV 1978 г. Подп. к печ. 30/V 1978 г. А05652. Формат $60 \times 90^{1}/_{8}$. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 470 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 650.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Этой шотландской народной мелодии больше двух веков. Сначала ее пели на стихи Роберта Бернса, и говорилось в песне о том, что настанет время и все люди по-братски протянут друг другу руки, невзирая ни на что. Второе рождение песни — 1848 год. Тогда немецкий поэт Фердинанд Фрайлиграт писал: «Мы — народ, и этот мир принадлежит нам, невзирая ни на что». Перед вами новые слова на старую мелодию, написал их молодой западногерманский поэт Ханнес Вадер. Эту песню он исполнил на очередном, VIII фестивале политической песни в Берлине, и говорится в ней о борьбе западногерманской молодежи против «закона о профессиях»: «Борьба приведет к победе — невзирая ни на что»

Русский текст А. ХВОСТОВА

Trotz alledem

1. Wir hofften in den Sechzigen
   trotz Pop und Spuk und alledem,
   es würde nun den Bonner Herrn
   scharf eingeheizt trotz alledem.

2. Doch nun ist es kalt trotz alledem,
   trotz SPD und alledem;
   ein schnöder, scharfer Winterwind
   durchfröstelt uns trotz alledem.

3. Auch Richter und Magnifizenz
   samt Polizei und alledem,
   sie pfeifen auf die Existenz
   von Freiheit, Recht und alledem.

4. Trotz alledem und alledem,
   trotz Grundgesetz und alledem
   drückt man uns mit Berufsverbot
   die Gurgel zu trotz alledem.

5. Doch hat der Staat sich nur blamiert
   vor aller Welt trotz alledem,
   und wenn die Presse Lügen schmiert,
   das Fernseh'n schweigt trotz alledem.

6. Trotz Misstraun, Angst und alledem,
   es kommt dazu trotz alledem,
   dass sich die Furcht im Widerstand
   verwandeln wird trotz alledem!

1. В шестидесятых был просвет,
   Надежды луч смотрел в окно[1], —
   Конечно, всяким господам
   Хотелось загасить его.
2. Сейчас задул и загудел
   Холодный ветер по стране.
   Нас заморозил, закружил,
   Сковал нас, как в кошмарном сне.
3. Все наши судьи-богачи
   Чихать хотели на закон —
   Сверкает, горд и недвижим,
   Их крепкий полицейский трон.
4. И, наплевав на все права,
   Они проводят свой запрет —
   Попробуй рот теперь открой:
   Работал — глядь, работы нет!
5. Понятно всем: «беруфсфербот» —
   Господ очередной позор!
   (А телевиденье — молчком,
   И пресса все городит вздор.)
6. Но верю я — настанет день,
   Пройдет противный липкий страх,
   И, невзирая ни на что,
   «Беруфсфербот» потерпит крах!

---

[1] *Ханнес Вадер здесь имеет в виду подъем молодежного движения в шестидесятых годах. — Примеч. ред.*

Индекс 70781
Цена 25 коп.